

НОВОСТИ АНАРХИСТСКОГО ЧЕРНОГО КРЕСТА

Группа Анархического Черного Креста Москвы подготовила брошюру «Пособие активисту (юридические и практические советы при общении с милицией)». Мы рекомендуем всем хорошо её изучить. Сообщите об этом своим друзьям. Скачать брошюру можно на avtonom.org.

27 июня 2007 года Штеффи, Свен и Лукас (на тот момент всем было от 17 до 19 лет) находились в пустующем здании на Вестендштрассе в Мюнхене. Большинство домов, расположенных на этой улице, были заброшенными в течение долгого времени, и некоторые из них использовались панками и другими людьми. Сейчас эти три человека находятся в тюрьме: в конце января 2008 года они были приговорены к пяти годам тюремного заключения за кидание камнями, которое было классифицировано как покушение на жизнь.

Вечером подразделение баварского полицейского спецназа штурмовало дом без какого-либо предупреждения. Социальные работники, которые регулярно приходили в здание, чтобы посетить панков, были вынуждены промолчать. Трое человек защищали дом с камнями в руках против бронированных и вооружённых полицейских. Камни в доме были собраны заранее при подготовке против возможного выселения. Один из полицейских получил травму (несильное повреждение позвонка грудной клетки). Заключение экспертизы показало, что травма была получена не из-за брошенного камня.

Прокурор классифицировал кидание камней не как нарушение общественного порядка и нападение, как обычно это бывает, а как покушение на жизнь. Это случилось после бурной демонстрации 2 июня 2007 года против саммита «Большой восьмерки» в северо-немецком городе Росток, которая стала сигналом для начала вынесения более жёстких приговоров. В ходе этой демонстрации было брошено огромное количество камней в ответ на нападения полицейских. Этим судебным решением государство пытается создать юридический прецедент. Это также сигнал для общества, что сопротивление бесполезно, и что каждый нарушитель «спокойствия» получит «справедливое» наказание.

squatbenefit.de.vu

Пишите письма:

Lukas Winkler
Sudetenlandstrasse 200
86633 Neuburg
Germany

Stephanie Trdger
Am Neudeck 10
81541 Munchen
Germany

Sven Maurer
Stadelheimerstr. 12
81549 Munchen

Germany

ЗЕЛЕНАЯ УГРОЗА

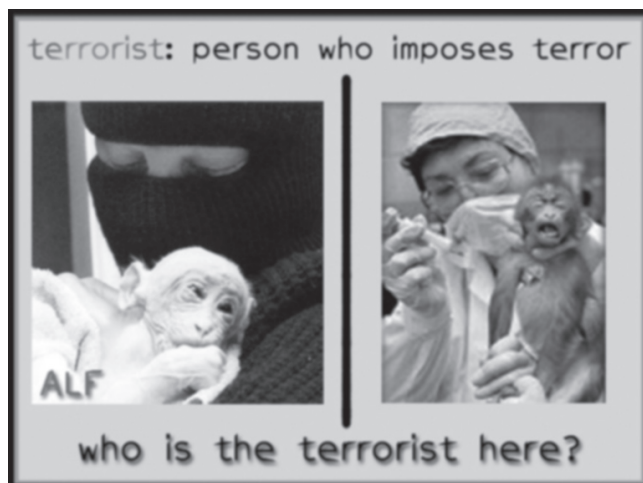
Репрессии против радикальных экологов в США

Данная статья переведена для брошюры по активистской культуре безопасности, готовящейся к публикации московской группой «Анархического черного креста». В «Автономе» текст публикуется со значительными сокращениями. Оригинал статьи: CrimethInc. Ex-Workers' Collective "Green Scared? Preliminary Lessons of the Green Scare" <http://crimethinc.com/texts/recentfeatures/greenscared.php>

Встречный огонь

В конце 2005 года ФБР начало новую фазу наступления на движения освобождения земли и животных. Наступление началось с арестов ряда действующих и бывших активистов и предъявления им обвинений. Эта атака, названная операция «Встречный огонь», была призвана найти виновных в ряде нераскрытых поджогов, совершенных ELF (Фронт освобождения Земли) за прошедшие 10 лет. Из тех людей, кого вызвали в суд и кому предъявили обвинения, восемь, в конечном счете, согласились сотрудничать с правительством и предоставили информацию о других активистах в надежде заслужить снисхождение суда: Станислас Мейерхоф, Кевин Таббс, Челси Доун Герлах, Сюзан Савой, Кэндал Танкерсли, Дженифер Колар, Лэйси Филбаум и Даррен Тёрстон. Четверо пережили год запугиваний, когда всем казалось, что их наверняка посадят на десятилетия, пока им не удалось прийти к соглашению о признании ответственности за свои акции, не предоставляя информации о других: Дэниел МакГован, Джонатан Пол, «Иксайл» (англ. «Exile», он же Натан Блок) и «Сэйди» (она же Джоана Эйчер).

В то время как пишутся эти строки, идет суд над Брайаной Уотерс, а Джозефу Диби, Джозефине Оуверэйкер, Ребекке Рубин и Джастину Солондзу были предъявлены обвинения, но их не нашли. Еще один обвиняемый, Уильям Роджерс

(он же «Авалон»), вскоре после своего ареста трагически погиб, находясь под стражей, якобы покончив жизнь самоубийством. За началом операции «Встречный огонь», больше известной как «Зеленая угроза», последовало беспрецедентное увеличение размаха правительственных репрессий против анархо-экологов. Давний активист освобождения животных Род Коронадо был обвинен в тяжком уголовном преступлении за ответ на вопрос во время своего публичного выступления, с перспективой провести несколько десятков лет в тюрьме.

Большое жури

Шесть активистов-зоозащитников из группы SHAC [Stop Huntington Animal Cruelty — «Остановите жестокость над животными в Хантингтоне», кампания против корпорации, проводящей эксперименты над животными Huntington Life Sciences — прим. пер.] приговорены к нескольким годам тюрьмы по существу всего лишь за организацию веб-сайта. Освободитель животных Питер Янг, несколько лет скрывавшийся от ФБР, был схвачен и ему грозит вторичное привлечение к уголовной ответственности за то же преступление.

Тре Эрроу, известный тем, что выжил после падения со 100-футовой высоты, спасаясь от полиции и лесорубов, сгонявших его с захваченных деревьев, боролся против решения о своей экстрадиции из Канады в США по обвинению в поджогах. Множество других людей предстало перед Большими жури, и некоторые получили реальные сроки за отказ сотрудничать. Пожалуй, наиболее злобещий случай — арест по обвинению в заговоре трех молодых людей, подставленных агентом-provokatorom. Эти трое даже ничего не сделали. Двое из них, Захарий Дженсон и Лоурен Винер, признали свою вину и стали правительственными информаторами; третий, Эрик МакДэвид, получивший опасные для жизни осложнения здоровья вследствие отказа тюремщиков предоставить ему веганскую пищу, некоторое время назад был признан виновным и теперь ожидает вынесения приговора.

Прошло уже несколько месяцев с последнего громкого уголовного процесса против активиста-защитника окружающей среды, но агенты федеральной службы продолжают сновать на Среднем Западе. Наступила пора извлечь пользу из уроков прошедших двух лет правительственных репрессий, с тем, чтобы следующее поколение активистов было подготовленным, когда оно займет свое место в борьбе в защиту жизни на земле.

В ноябре 2007 в Бресте недалеко от клуба «Кирпич» (в котором проходила ска/эggi вечеринка) произошла драка между антифашистами и правыми хулиганами «Динамо» Бреста. После которой на троих наших ребят было заведено уголовное дело — статья 339 ч.2 (групповое хулиганство). 14 апреля должен был состояться суд, но за день до суда один из этих троих ребят (Кучер) подрался с гопниками и одному из них сломал челюсть. Суд перенесли (когда будет пока неизвестно), а на него завели второе уголовное дело по той же статье 339 ч.2 (только вместо группового хулиганства идет нанесение тяжких телесных) и до суда он будет сидеть в СИЗО. Парень на самом деле хороший, так что кто хочет его морально поддержать, пишите по адресу:

224000 Беларусь
г. Брест, ул. Карла Маркса 86
СИЗО #7 камера 38 Милевский Юрий Юрьевич

В ноябре 2007 года Андрей «Тайвань» Мergenев получил срок три года колонии общего режима за участие в драке, которая случилась в июне того же года. Он подрался с фашистом и ранил его отверткой, которую тот выронил в ходе драки. Во время судебного разбирательства СМИ использовали этот случай для дескридитаии антифа-движения. Журналисты писали, что он ударил ни в чем неповинного человека, что фашист не был наци-скинхедом, а был готом. Эта была версия самого фашиста.

На фото видно, какое у него «гот-тату» на груди:

Пишите Андрею письма поддержки по адресу
410601, г. Саратов,
ул Кутякова, 107,
ФГУ ИЗ 64/1, ОКБ 2, комн. 73
Андрей Мergenев

ЧЁРНЫЙ КРЕСТ

АВТОНОМ

40

Ему можно послать бандеролями книги, журналы, газеты (не содержащие «экстремистских материалов»). По поводу возможности и необходимости отправки продуктов или других вещей, уточните у Андрея по переписке.

В июне московские анархисты выразили поддержку жертвам политических репрессий во Франции. Напомним, Иван, Бруно и еще несколько товарищей были задержаны в январе 2008 по дороге на демонстрацию в защиту иммигрантов близ Парижа, при них были найдены дымовые шашки и изогнутые гвозди для прокалывания автомобильных шин — и из-за этих предметов их обвинили в подготовке террористического акта.

9 и 11 июня московская анархическая группа солидарности приходила к стенам французского посольства. Был развернут баннер «Solidarité avec les sans-papiers. Solidarité с иммигрантами. Свободу Ивану, Бруно и другим».

Участники акций зажигали фаеры — эти предметы пиротехники в числе прочего послужили причиной ареста анархистов во Франции, и яркие огни на фоне серого московского неба стали еще одним символом поддержки. Ребята скандировали лозунги на русском и французском языках: «Незаконных людей не бывает!», «Нет репрессиям!», «Нет государственному террору!». Прохожим раздавали листовки с текстом о государственном терроризме, который имеет место в современном мире, где людей лишают социальных и экономических прав, а репрессии против протестующих используются для запугивания.

Кроме того, утром 14 июня на двери и окна московского офиса французской авиакомпании «Эр Франс», которая активно поддерживает депортационную политику режима Саркози, появились граффити, призывающие к свободе и международной дружбе.

В блогах был вывешен перевод на русский язык брошюры, повествующей о задержании Ивана, Бруно и их товарищей и приводящей подробный анализ социальных и политических проблем современных государств.

Московские акции — часть международной кампании поддержки. В течение недели с 9 по 16 июня в разных странах Европы, и в первую очередь в самой Франции, проводились демонстрации, блокировались улицы, вывешивались транспаранты. Солидарность анархистов победила — Иван и Бруно были выпущены из антитеррористической тюрьмы, где провели более 4 месяцев.

Польза из уроков

Рассмотрим конкретный случай репрессий: город Юджин, штат Орегон. Операция «Встречный огонь» стартовала на фоне правительственных расследований, преследований и сбора сведений о предположительных анархистах на северо-востоке тихоокеанского побережья США. Так что не является удивительным, что этот город стал главным пунктом в операции «Встречный огонь», поскольку вот уже полтора десятилетия регион является очагом инакомыслия и радикализма, хотя репрессии и другие проблемы и сказались на движении в последние годы. Мы не можем предложить точный анализ внутренней динамики анархистского сообщества в Юджине, но можем проследить, как власти проводили репрессии против него.

Насколько мы знаем, на начальном этапе операция «Встречный огонь» основывалась на стратегии общего мониторинга и внедрения. По мере того, как расследование набирало ход (например, подсылка к определенным активистам «сотрудничающих свидетелей» с микрофонами под одеждой), начали они с просеивания участников всех контркультурных течений в регионе. Дома активистов и панков, места встреч, например, бары, были поставлены под постоянное наблюдение. Целями внедренных агентов и информаторов были не только наиболее явно действующие анархисты, но и «богемная» часть, обретающуюся в тех же культурных и социальных сферах.

Полиция получила огромное количество информации, несмотря на то, что попытки агентов проникнуть в группы планирования акций прямого действия провалились. Примерно 30,000 страниц отчетов по орегонским делам содержат огромное количество слухов и биографической информации по порядочному количеству людей из Юджина.

Широкая сетка

Похожая методика, по всей видимости, использовалась в соседнем Портленде, штат Орегон. Например, в марте 2001 года был проведен широкомасштабный полицейский рейд на домашнюю вечеринку, на которой среди гостей были портлендские панк-рокеры. Гости сфотографировали и расспросили про ELF / ALF. Некоторых арестовали и обвинили в похищении и нападении на офицера — обычная практика полиции, призванная заставить активиста пойти на сделку со следствием о признании вины.

Выступления в суде людей, попавших под следствие в результате рейда, было снято на пленку офицерами полиции. Позднее было установлено, что они служат в Отделе по борьбе с организованной преступностью. Вследствие этого рейда копы начали систематическое преследование панков на улицах, требуя от них объяснений касаясь того, являются ли панки анархистами или нет. Оглядываясь назад, создает-

ся ощущение, что все эти усилия были направлены вовсе не на запугивание портлендских панков, но на поиск информации по анархистским и ALF/ELF делам, находящимся в разработке. Возможно, это было ошибочным решением в исследовании операции «Встречный огонь», сейчас трудно сказать наверняка.

Тем не менее, нам известно, что подходы государства к решению подобных задач на основе модели «широкая сетка» могут быть эффективны в удушении социально сознательных субкультур, даже если и не обнаружено реальных связей с радикальными действиями. К счастью, люди в Портленде, против которых был направлен упомянутый рейд, объединились, стали помогать друг другу, чтобы свести к минимуму нанесенный вред, и воспользовались ситуацией для привлечения общественного внимания к действиям полиции.

Подняться на борьбу

Окинем взглядом радикальную деятельность в Юджине за прошедшее десятилетие. Антикапиталистический бунт 18 июня 1999 года в Юджине вызвал ликование части анархистов, хотя в результате этих событий один из участников провел несколько лет в тюрьме. Участники «Дня действия 18 июня» оказывали сопротивление полиции и разломали ряд символов капитализма в городе, к чему копы оказались абсолютно не готовы. Уличные бои в Сиэтле в том же году во время саммита ВТО только усилили чувство, будто весь мир готов подняться на борьбу.

Большинство активистов из анархического движения Юджина никогда не переживали ничего подобного. Несмотря на жалкие требования и мутный анализ большей части официального «антиглобалистского» движения, в воздухе витало чувство, что глубокие изменения возможны, что за них можно бороться и их можно отстоять. Быть анархистом тогда казалось самым крутым, что только можно себе представить, это восприятие только усиливалось последовавшим вниманием СМИ. ELF осуществляли поджоги во всем регионе в то время.

Последовала реакция. В июне 2001 года Джеффри «Фри» получил срок в 22 года и 8 месяцев. В следующем месяце на улицах Генуи во время протестов против саммита «Большой восьмерки» был убит Карло Джулиани. Хотя обе эти трагедии являлись наглядной иллюстрацией риска противостояния капиталистической системе, приговор «Фри» особенно сильно ударил по сообществу в Юджине.

Смещая акценты

Атмосфера изменилась. Люди стали уходить из движения, «устраивать свою жизнь» — не обязательно предавая свои прежние убеждения, но смещая акценты, изменяя приоритеты. Этот процесс усилился после 11 сентября, когда повсюду появились американские флаги. Деятельность анархистов не прекратилась, но последовал период относительной дезориентации. Вторжение в Ирак полтора года спустя дало еще одну возможность для мобилизации радикальных сил, но к этому

времени сплоченность в Юджине оказалось в прошлом.

В это время сотрудники ФБР и полиция работали дено и ночью. В операции «Встречный огонь» наиболее значительный прорыв был совершен. Те же самые поджоги, неверно связанные с делом Фергюсона, использовались в качестве предлога для жесткого приговора «Фри», что заставило часть анархистов прекратить деятельность.

Попыток переосмысления опыта, извлечения полезных знаний, оттачивания навыков, попыток решения конфликтов в анархистской среде было явно недостаточно. Отступление было ожидаемым. Что бы произошло, если бы расследования в рамках операции «Встречный огонь» продолжались при иных обстоятельствах, на фоне набирающего мощь движения?

Оказывая сопротивление

Репрессии будут существовать, пока существуют государства и люди, противостоящие им. Полная неуязвимость невозможна — ни для государства, ни для его противников. Все внедренные агенты и информаторы царской секретной полиции были бессильны предотвратить русскую революцию 1917 года, как и восточногерманские штازی не смогли защитить берлинскую стену от разрушения, хоть у них и были досье на шесть миллионов человек. Революционная борьба может увенчаться успехом даже перед лицом широкомасштабных репрессий; со своей стороны, мы можем минимизировать эффект от действий ментов, подготовившись заранее.

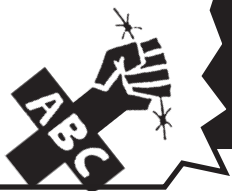
Вот уже много лет анархисты сосредоточены на развитии культуры безопасности, но ограничиться выработкой сознания безопасности в этом деле недостаточно. Есть такие вещи, которых никогда не бывает слишком много: не сплетничайте о важных делах, делитесь важной информацией только с теми, кому непосредственно нужно об этом знать, не отказывайтесь от своих прав в случае задержания или ареста, не сотрудничайте с судами, не выдавайте других людей. В то же время человек может следовать всем этим принципам и совершить критическую ошибку.

Если стратегии противодействия репрессиям будут сосредоточены на том, о чем нам не следует говорить, мы теряем из поля зрения необходимость ясной и простой коммуникации для сообществ в борьбе. Успешное применение силы против нас показывает, что у нас априори существовали какие-то слабые места. Это говорится не для того, чтобы обвинять жертв в ситуации репрессий, но для того, чтобы понять, как и почему попытки дестабилизировать нашу деятельность увенчались успехом.

Маленькие уязвимости

Наша реакция не должна начинаться с поддержки арестованных. Конечно, это очень важно, как и долговременная поддержка людей, отбывающих наказания, но наша деятельность должна начинаться задолго до этого. Мы должны устранить те маленькие уязвимости, которыми могут воспользоваться наши враги. Открытое обсуждение проблем (например, навязывание гендерных ролей в номинально радикальных кругах) может предотвратить нездоровые чувства презрения

ЧЁРНЫЙ КРЕСТ

и сектантство. Из этого вовсе не следует, что никакой раскол недопустим — зачастую лучшее, что могут сделать люди — это взять и разойтись. Но даже если это необходимо, им следует постараться сохранить чувство взаимного уважения или, по крайней мере, желание общаться тогда, когда это действительно необходимо.

Принимая во внимание, сколько лет ушло у ФБР на подготовку операции «Встречный огонь» и большую роль, которую играли информаторы в значительной части дел «Зеленой угрозы», можно предположить, что существует возможность выйти сухим из воды во многих ситуациях, при условии достаточной осторожности и грамотных решений о том, кому доверять. Описание прямых действий МакГована, включенное в состав доводов обвинения на суде, выглядит как приключенческий роман. Вчитываясь в страницы заключения, нельзя не подумать — «Ого! За все это — всего семь лет!»

В правовой системе США судебное разбирательство — это игра «на слабо». Государство делает первый ход, угрожая тяжчайшими последствиями для обвиняемого, в надежде, запугав его, заставить признать вину и сдать товарищей. Лучше всего, если подсудимый немедленно признает свою вину; это позволяет государству не тратить поистине огромное количество времени и денег, не говоря уже о потенциальной опасности проиграть хорошо освещенное в СМИ дело. Обвиняемым не следует пугаться первоначальных обвинений: зачастую оказывается, что многие из них рассыпаются на глазах и единственная их функция — придать государству больше власти для «торгов».

Закончиться иначе

Даже в том случае, если обвиняемый опасается, что ему самому не на что будет опереться в суде, он может получить вес в этих закулисных властных играх, если государство ясно осознает серьезную вероятность дорогого, сложного и непредсказуемого судебного разбирательства. Добиться этого можно, заручившись помощью адвоката. В случае же когда подсудимый соглашается сотрудничать, он всецело передает себя в руки сил, которым вовсе не свойственна ни малейшая толика сострадания.

Независимо от того, насколько безнадежным кажется положение вещей, никогда недооценивайте ту силу, которой наделяет вас стремление сражаться. До момента капитуляции Станисласа Мейерхоффа и некоторых других, все дело по операции «Встречный огонь» держалось на Якобе Фергюсоне, героинщике и серийном поджигателе. Если бы все, кроме Фергюсона, отказались сотрудничать и вместо этого сообща боролись бы против предъявленных обвинений, нет никаких сомнений, что операция «Встречный огонь» закончилась бы иначе.

Крепкие узы

Если уж что-то и удерживает людей от стукачества друг на друга — это кровные узы. Исторически движениями с наименьшим числом доносчиков всегда были те, которые имели прочную опору в сообществах. Арестованные в прошлом году участники движений национального освобождения отказались от сотрудничества с государством, потому что они не смогли бы смотреть в лицо своим родителям или детям, если бы согласились доносить. Точно также, когда гангстеры, вовлеченные в нелегальную капиталистическую деятельность, отказываются стучать, причиной являются последствия стукачества, которые окажут влияние на всю их жизнь, начиная с перспектив карьерного роста на избранном поприще и заканчивая социальным положением в тюрьме и своих жилых кварталах.

Чем более крепки узы, связывающие личность с сообществом, тем менее вероятно, что он или она настучит на своих товарищей. В этом отношении североамериканские радикалы, преимущественно белые, всегда оказывались перед сложным выбором, так как большая их часть вовлечена в подобную деятельность вопреки мнению семьи и социального окружения, а не благодаря ему. И когда оказывается, что бывшему активисту светят десятки лет тюремного заключения за что-то, что для него было, по большому счету, хобби, родители просят не выбрасывать жизнь на ветер, а система, с которой он боролся, кажется, уже захватила все его настоящее и будущее. Требуется очень сильное чувство правильного и неправильного, чтобы не продать.

В этом свете перестает казаться удивительным, что практически все активисты, отказавшиеся сотрудничать, до сих пор принимают активное участие в жизни анархистских или, по крайней мере, контркультурных сообществ. Дэниел МакГован непрерывно участвовал в различных видах организаторской деятельности вплоть до самого ареста; Иксайл и Сэйди всей душой против общепризнанных норм и стандартов, если и не участвуют непосредственно в политической деятельности. Снова мы сталкиваемся с необходимостью создания мощных, долгосрочных сообществ с общей культурой сопротивления; многим из тех, кто решил выступить против статус кво, придется начать создание подобного сообщества с нуля, плывя против течения, но это не является невозможным.

Здоровые отношения

Здоровые отношения — основа подобных сообществ, не говоря уже о безопасной организации акций прямого действия. Еще раз: загнанные внутрь конфликты и взаимные претензии, недостаток доверия — все это ахиллесова пята бесчисленного числа групп. ФБР составляет психологические портреты своих мишеней, чтобы использовать их слабости и потенциальные бреши в личных отношениях. Один из старейших приемов — сказать арестованным, что их товарищи уже донесли на них; чтобы успешно пережить подобные попытки запугивания, люди должны иметь неколебимую веру в надежность comrades.

Следует сосредоточиться на демистификации стукачества и создании коллективного доверия, настроений, уменьшающих вероятность появления стукачей. Если человек испытывает радость от того, что он является частью анархистского сообщества, он не захочет стать изгоем, превратившись в стукача. Конечно, чтобы это реально работало, мы должны окончательно и бесповоротно исключать из сообщества всех, кто согласился на сотрудничество с властью. Предавая товарищей ради собственной выгоды, они встают в один ряд с полицейскими, тюремщиками и палачами, которым помогают.

Тем, кто собирается участвовать в акциях прямого действия с группой, сначала следует хорошо узнать друг друга, включая друзей и родственников, обсудить ожидания, потребности и цели. Какую-либо «опасную» деятельность следует осуществлять только с теми товарищами, которых вы знаете достаточно давно, чтобы твердо знать их негативные черты. Вы должны быть уверены, что сможете разрешить даже самые сложные личные конфликты и будете доверять им в самых стрёмных ситуациях еще в течение лет десяти.

Понять структуру

Никогда нелишне напомнить, что стукачество всегда является очень серьезным вопросом, будь то обвиняемый по громкому делу, сдающий своих товарищей, или же знакомый законопослушных активистов, отвечающий на, казалось бы, невинные вопросы. Основная цель правительства в каждом политическом деле — не посадить в тюрьму отдельных людей, но собрать информацию, которая позволит понять структуру радикальных сообществ, чтобы, в конечном счете, репрессировать и контролировать их.

Первым предложением Питеру Янгу со стороны правительства было вернуться в круги борцов за права животных и стать информатором: сообщать не только о нелегальной деятельности, но вообще о любой деятельности. Даже самый незначительный на первый взгляд элемент может поставить под угрозу жизнь человека, независимо от того, нарушал ли этот человек закон или нет. Недопустимо сообщать какую-либо информацию о ком-либо без личного разрешения этого человека.

P.S. На сегодняшний день суды над Три Эрроу и Брайаном Уотерсом завершились, и они получали длительные тюремные сроки. Новые обвинения против Питера Янга провалились.

P.P.S. Адреса заключенных, упомянутых в статье. В каждой тюрьме час расдачи почты — самый ожидаемый, не дайте товарищам разочароваться!

Tre Arrow, SWIS #640393, Multnomah County Detention Center, 1120 S.W. 3rd Avenue, Portland, Oregon 97206, USA.

Nathan Block #36359-086, FCI Lompoc, Federal Correctional Institution, 3600 Guard Road, Lompoc, CA 93436, USA

Jeffrey Luers #13797671, CRCI, 9111 NE Sunderland Ave, Portland, OR 97211-1708, USA.

Eric McDavid 16209-097, FCI Victorville Medium II, Federal Correction Institution, PO Box 5700, Adelanto, CA 92301, USA.

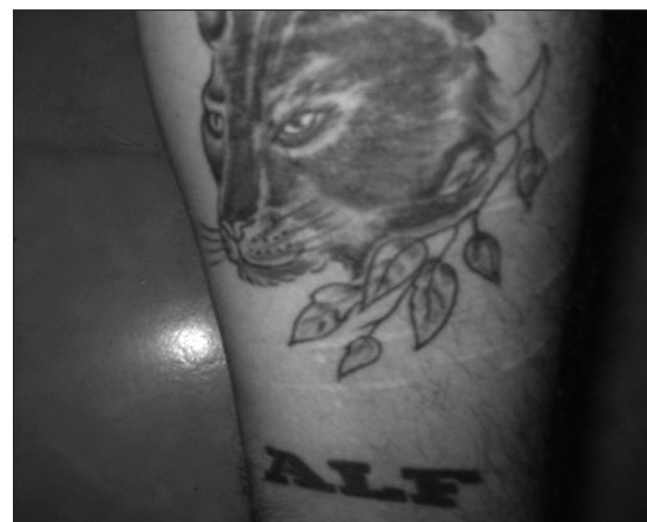
Daniel McGowan, Columbia County Jail, 403 Jackson Street, Portage, WI 53901, USA.

Briana Waters, 36432-086, FDC - Seatac, Federal Detention Center, P.O. Box 13900, Seattle, WA 98198, USA.

Joyanna Zacher #36360-086, FCI Dublin, Federal Correctional Institution, 5701 8th St - Camp Parks - Unit F, Dublin, CA 94568 USA.

Rod Coronado #03895-000, FCI El Reno, Federal Correctional Institution, P.O. BOX 1500, El Reno, OK 73036, USA.

Jonathan Paul, #07167-085, FCI Phoenix, Federal Correctional Institution, 37910 N 45th Ave., Phoenix, AZ 85086 USA

БЕН МОРЕА BLACK MASK И MOTHERFUCKER

*Хроники Нижнего Ист-Сайда
шестидесятых годов
Ева Хиндерер*

*Впервые опубликовано:
[http://www.16beavergroup.org/
monday/archives/001031.php](http://www.16beavergroup.org/monday/archives/001031.php)*

В этом году московское издательство «Гилея» пополнит свою серию «Час Ч» книгой «Лицом к стене, ублюдок! Уличная банда с анализом», посвященной эпистолярному и художественному наследию малоизвестных группировок Black Mask и Up Against the Wall, Motherfucker, действовавших в США во второй половине 1960-х. Являясь уникальным для того времени анти-медийным феноменом (в случае ВМ — это сокрытие лиц под масками, а в случае UAW/MF — сознательный отказ от возможности упоминания в СМИ), эти банды, тем не менее, находились в авангарде социально-политических и культурных катаклизмов. Сегодня их тексты и графика, выхваченные из необъятного моря контркультурного самиздата той эпохи, предстают ее подлинным зеркалом. Специально для «Автонома» издательство выбрало материалы, которые по техническим причинам не попадут в книгу, но которые, все же, могут дать представление о деятельности и об открытиях этих незаурядных коллективов: оригинальные листовки и небольшой мемуарный очерк Евы Хиндерер — в те времена участницей феминистского движения, а сегодня продолжающей свою деятельность в рядах Северо-Восточной Федерации Анархо-Коммунистов, объединяющей активистов из США и Канады.

Долото

Впервые я встретила Бена осенью 67-го, когда он вступил в словесный спор с теоретиком анархизма Мюреем Букчином в одной маленькой квартирке в доме на Avenue B, который уже снесли. Бен отстаивал прямые действия, движения в обход истеблишмента и неоднократные уличные беспорядки. Букчин напирал на то, чтобы сначала была сознательность. «Я молотком и долотом уродовал здания на Уолл-стрит!», — говорил Бен. Букчин же более размышлял вслух о перспективах. Позднее Бен и его affinity group, известная своим нежным названием Motherfuckers, была, наряду с Weathermen, на слуху у всех революционеров того времени.

Помню, в первый раз я увидела это название на флаере, распространявшемся на сходках «Студентов за демократическое общество», потом на листовке по поводу акции у Линкольн-центра. Это была строка из стихотворения Амири Барака. Они очень напоминали настоящую семью. Уже переехав в Нижний Ист-Сайд, и, будучи анархически настроенной, я жила недалеко от них, хотя больше увлекалась феминизмом, став членом New York Radical Women.

Motherfuckers не чурались никаких идей, носившихся тогда в воздухе, они перенимали любые задумки, даже если те и принадлежали другим группировкам. Йиппи в своих акциях демонстрировали озорную непочтительность, в них не было той серьезности, что отличала mf'ers. Аналогичным

образом, отколовшиеся от СДО Weathermen хотя и испытали влияние мятежной мазефакерской активности, вряд ли позиционировали себя как анархисты.

Искусство и революция

Еще будучи несовершеннолетним, Мореа находился под опекой Джулиана Бека и Джуди Малины из Living Theater. Под их влиянием он меняет свой героинозный образ жизни джазового музыканта и увлекается рисованием и политикой. Его первые политические действия вылились в декларацию о единстве искусства и революции, что нашло отражение в Black Mask — самиздатском зине, десять выпусков которого выходили с ноября 66-го по май 68-го. Местами их теория шла вразрез с европейской культурой, потому что, как заявлялось, революционное искусство — это «неотъемлемая часть жизни, как в примитивном сообществе, а вовсе не способ обогащения».

Тем не менее, в плавильном котле шестидесятых и на фоне сопротивления вторжению во Вьетнам, Мореа перестал выпускать Black Mask, заявив, что mf'ers — это шаг вперед и что пора «на улицы». Занимаясь в теории и на практике вполне серьезным подстрекательством к революции, группа в своих выходках не исключала и игровое вредительство.

Некоторые их акции

— Распространение флаеров в Баури с неправдоподобным приглашением на открытие галереи на фешенебельной Пятнадцатой улице в Манхэттэне с обещаниями бесплатных выпивки и закусок. Когда mf'ers пришли посмотреть, что из этого вышло, то увидели огромные толпы, разгоняемые Tactical Police Force.

— Перекрытие Площади святого Марка между Второй и Третьей авеню, переросшее в настоящий бунт. Бен рассказывал, что как только Эбби Хоффман оттуда переехал, он тут же занял его квартиру.

— Во время нью-йоркской «мусорной стачки» в 68-м они принесли мусор к Линкольн-центру и забросали им фонтан. Это событие нашло отражение в документальной короткометражке «Мусор» коллектива Newsreel.

— Разрезание изгороди из проволоки на фестивале в Вудстоке в 1969-м, что позволило огромному количеству народа пролезть бесплатно. Хотя даже друг mf'ers Вэйви Грэйви никогда в открытую этого не подтверждал.

— Шуточная стрельба в Кеннета Коча во время его поэтического выступления в церкви святого Марка. Один mf'er демонстративно вытащил пистолет, выкрикнул «Коч!» и сделал холостой выстрел. Поэт был настолько шокирован, что упал в обморок. А в это время с галерки разбрасывались фотографии Лероя Джонса с лозунгом «поэзия — это революция».

Прорывы

По словам Мореа, их интересовали «прорывы». Во время демонстрации у Пентагона осенью 68-го, они, действительно, прорвались к самому входу здания.

Бен всегда интересовался историей антиавторитарного, анти-ленинского левого движения. Он разыскивал старых анархистов и старался с ними встретиться. Интересовался, например, Александром Коллонтаем, инициативы которой тормозились Лениным. Еще он встречался в Детройте с секретарем Троцкого Раей Дунаевской, но они поспорили, и она его выгнала.

Чета Беков помогла Бену и mf'ers вынудить хозяина клуба «Fillmore East» Билла Грэхэма позволить им устраивать для коммюнити каждую неделю бесплатные вечера. Бен полагал, что если искусство и революция едины, то театру с революцией также по пути. Однако после трех-четырех недель уже полиция вынудила Грэхэма прекратить вечеринки под угрозой закрытия клуба.

V.I.P.

Множество политических активистов и группировок побывали у Бена в мансарде в Восточном Бродвее. Среди них, например были:

- лидер японских Зенгакуров, группировки, частенько устраивающей побоища с полицией. Этот парень впоследствии присоединился к Че Геваре в Боливии.

- Кинг Моб, группировка из Англии, которых Бен охарактеризовал как отличных парней.

- Ситуационисты. Хотя Ги Дебор впоследствии пришел к выводу, что mf'ers были «чересчур мистичны».

- Жан-Жак Лебель, участник майских восстаний в Париже 68-го.

- Валери Соланас, бывшая его ближайшим другом. Она была автором «Манифеста общества полного уничтожения мужчин» и совершила покушение на Энди Уорхола.

Прообраз Бена даже появляется в фильме о ее жизни («Я стреляла в Энди Уорхола»). И хотя у них были платонические отношения, в фильме они показаны любовниками — в Голливуде по-дру-

гому никак. Бен вспоминал, как однажды спросил Валери о том, что будет с ним в обществе полного уничтожения мужчин, и Валери пообещала, что его убьют в последнюю очередь.

Самодельный

Все более вовлекаясь в сферу искусства, Бен встречался и с Ричардом Хьюльзенбеком из «Берлин Дада», а также с критиком Николасом Каласом, который в свое время был близок к движению сюрреалистов. И на него очень сильно повлиял Альдо Тамбеллини, художник и режиссер независимых фильмов, бывший для него кем-то вроде наставника.

Мореа выдумал определение «affinity group». На ту самую встречу в Нижнем Манхэттэне домой к Букчину зашел Герберт Маркузе со своим пасынком Томом Нойманом, который тоже был мазефакером. Бен услышал испанское слово aficionado, но заменил его словом affinity, придав ему «испанское» значение. Впоследствии Нойман дал толкование этому определению — «affinity group» — «уличная банда с анализом», которое потом использовали Кинг Моб. В современном анархическом движении этот термин имеет широкое хождение.

Ммм...

Mf'ers устраивали ночлежки для бездомных и два раза в неделю кормили сотни людей йогуртом «Данон», который шел в брак из-за неправильной маркировки, и тушенкой, снятой с продаж супермаркетами. Они вызывали к больным врачей, работали с адвокатами, стояли на раздаче. Все это делалось на церковные гранты силами «Службы борьбы с бедностью в Нижнем Ист-Сайде» — вымышленной организации, придуманной для выживания целевых денег.

Активная деятельность Бена в Нью-Йорке прошла с конца пятидесятих до конца шестидесятых, застав закат эпохи битников и начало контркультуры хиппи. Он дружил с Алленом Гинзбергом и Лероем Джонсом (Амири Барака) и непрерывно воплощал собой всю полноту движения сопротивления шестидесятых, а именно политический артистизм.

Джерри Рубин.

«Действуй! Сценарии революции».

М., Гилея, 2008.

Джерри Рубин — известная медиа-фигура 60-х гг. XX века. Паяц, шоумен, провокатор, организатор множества общественных скандалов. Вместе с Эбби Хоффманом он являлся инициатором создания Международной Молодежной Партии (йиппи), чьей идеологией стал «великий отказ» — ключевой лозунг американской молодежи той бурной эпохи. Отказ от войны, от потребления, от скуки, от вранья. Одной из самых знаменитых акций йиппи стало объявление кандидата в президенты США от своей партии — им была назначена свинья по имени Пигасус (Свинтус). Книгу Рубина традиционно именуют «евангелием молодежного бунтарства» — в ней он выступил как яркий теоретик, прекрасный рассказчик, остроумный шутник. «Действуй!» — прославленная сага о надеждах и мечтах времен Вудстока.

It is too often assumed that the law of nature is:
kill or be killed. Presenting an argument for the
opposite principle:

THE SKY'S THE LIMIT!

АЛЕКСАНДР ШУБИН. ПРЕДАННАЯ ДЕМОКРАТИЯ. СССР и НЕФОРМАЛЫ.

1986–1989. М., издательство «Европа», 2006.

АЛЕКСАНДР ТАРАСОВ. РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ВСЕРЬЕЗ. Екатеринбург, издательство «Ультра.культура», 2005.

Интересующиеся историей (уже довольно почтенной — двадцатилетней) новейшего анархического движения в СССР-России, обречены читать вот эти две книги двух Александров — Тарасова и Шубина. И невольно сравнивать. Потому что других книг пока просто нет, к стыду нас — участников и историков этого движения. Так что, любезные читатели, кушайте, что дают. А что дают? И кто? Первый автор — Александр Тарасов — бронтозавр большевизма, подпольщик-ленинист со стажем (с брежневских времен), сочетающий обширную ученость с безбрежным мифотворчеством, эксперт (регулярно мелькающий на радио и TV) по «нации» и «левакам», обычно скромно представляющийся, как сотрудник какого-то политологического института «Феникс» (других сотрудников там нет). Второй — Александр Шубин, известный историк, автор двух десятков книг, в том числе о махновщине и испанском анархизме, один из двух отцов-основателей Конфедерации Анархо-Синдикалистов, доктор исторических наук, сочетающий бурную научную деятельность с политической активностью (и гордящийся своим оппортунизмом, однажды даже приведшим его на пост советника вице-премьера правительства РФ Немцова).

Первый автор априорно хотел извне «обличить» российский анархизм и, под видом научного исследования, пропагандировать свои большевистские идеи, второй хотел «оправдать» его «изнутри». Книга Шубина имеет серьезные достоинства и серьезные недостатки, книга Тарасова же просто описывает виртуальную реальность и не выдерживает критики. С нее и начнем. Труд Тарасова является грубой фальсификацией реальной истории российского анархизма и содержит невероятное множество искажений фактов, умолчаний, высокомерно-тенденциозных оценок, подменяющих анализ. При внешней «солидности» изложения, при обилии ссылок на источники, Тарасов крайне предвзято стремится уложить материал в прокрустово ложе своей доктрины. Наукообразная форма книги скрывает под собой причудливую смесь надуманных схем, оголтелой пропаганды, вырванных из контекста событий, вопиющих умолчаний, безосновательной рекламы, неаргументированных оценок и, наконец, просто подлых выходок и личных оскорблений (включая бездоказательные обвинения трех достойных людей в сотрудничестве с «органами» и раскрытие псевдонимов активистов, которые предпочли бы эти псевдонимы сохранить).

Многие важные события, начинания, организации, издания, принципиальные для развития анархического движения в России (и, несомненно, Тарасову известные), либо вовсе проигнорированы, либо упомянуты вскользь. Ругая Конфедерацию Анархо-Синдикалистов, автор не упоминает о реальной разнообразной деятельности КАС в рабочем, студенческом, «зеленом» движении, о работе среди школьников, обширной просветительско-издательской деятельности. Совсем не упомянуты ни Товарищество Социалистов-Народников, ни Прямухинская Вольная Артель (1995–1996, 1999–2002 годов), ни санитарная дружина имени М. Волошина, организованная левыми во время октябрьских событий 1993 года в Москве, ни акции против войны в Чечне... Почти ничего не сказано о таких — относительно многочисленных — анархических движениях 1990–2000-ых годов, как «Хранители Радуги» и «Автономное Действие». Едва упомянуты в книге такие важнейшие анархические издания, как «Община» и «Наперекор» (а «Новый Свет» и «Третий Путь» и вовсе забыты). А ведь именно эти издания, читавшиеся сотнями (в случае с «Общиной» — тысячами) людей формировали идейное лицо движения.

Зато колоссальное внимание уделяется крошечным и полумифическим организациям вроде «Фиолетового Интернационала». Или подробно разбирается содержание журнала «Великий Отказ», чье появление на свет объявляется поворотным моментом в истории анархо-движения (так как это соответствует концепции Тарасова об изживании «плохого» анархизма и повороте к «хорошему» «новым левым»). Я был одним из двух соредакторов, выпускавших «Великий Отказ», но даже польщенное авторское самодлюбие не заслоняет от меня исторической правды: выпускаемый тиражом в два десятка экземпляров на машинке, наш «Великий Отказ» был известен узкому кругу московских тусовщиков, и его влияние невозможно даже сопоставить с влиянием других изданий, названных выше и проигнорированных Тарасовым.

Не буду утомлять читателя перечислением сотен фактов ошибок, сознательных искажений и наглой лжи, допускаемых автором «Революции не всерьез». Замечу лишь, что вершиной тарасовских фантазий является описание студенческих выступлений, организованных профсоюзом «Студенческая Защита» в феврале 1994 и в апреле 1995 годов. Жалкое, трусливое и неорганизованное шествие толпы полупьяной молодежи, кричащей: «Пива, пива!» и разбегающейся в панике при виде пары милиционеров — под пером Тарасова превращается в победное шествие сознательного студенчества, которое легко сметает с пути ОМОН, бьет стекла милицеевских машин и т.д., как будто речь идет не о Москве, а, как минимум, о Париже или Сеуле. Я, в отличие от Тарасова, участвовал в этих беспорядках и констатирую, что его сознательная ложь и необузданная фантазия достигают в этом пункте поистине геббельсовских масштабов.

Но довольно. Встает вопрос: а зачем все это понадобилось Тарасову? Дело в том, что этот ленинист, симпатизирующий исключительно большевистским методам борьбы и организации, пытался создать у читателя образ тотального кризиса анархического движения, краха, единственным выходом из которого ему видится большевизация и то ли террор, то ли союз анархистов с нацбалами. Под видом «изложения» и «исследования» он творит мифы, скрывает реальность и описывает фантомы, существующие только в его большевистском сознании (вроде «новых левых», которых он так подробно описывает и... которых в российский политический фауна нет вовсе!). Если же факты не соответствуют его желаниям — тем хуже для фактов! Заявляя, что экологическая, феминистская, профсоюзная деятельность не относятся к сфере интересов левого движения, автор толкает нас или к терроризму, или к пропаганде «единственно верного учения» и к политической борьбе за власть.

Совершенно естественная для лениниста логика и столь же естественная нравственная беспринципность. Разумеется, я не утверждаю, что реальная история новейшего анархизма в России — сплошь «Илиада» с великими подвигами и эпическими героями. Нет, она знала и предательства и ошибки, и склоки, и отрыв от реальности. Многие в ней постыдно, некрасиво, достойно осуждения, критики и преодоления. Но несомненно, что книга Тарасова, прикрываящая внешним объективизмом крайнюю тенденциозность, лишь фальсифицирует историю и вводит в заблуждение мало информированного читателя, беспомощного перед подтасовками и наукообразной ложью.

На этом фоне книга Шубина — автора более добросовестного и знающего рассматриваемое им движение изнутри — сильно выигрывает. В этой книге детально описывается история СССР в эпоху Перестройки — увиденная (как океан через каплю воды) через историю «Общины» — группы, положившей начало анархическому движению в Советском Союзе 80-х. Собраны многочисленные свидетельства тех дней, хорошо воссоздана атмосфера эпохи и ее события. Автор стремится к объективности и проявляет хорошую информированность. Однако, рекомендуя книгу Шубина (за неимением других) к прочтению, все же следует указать на два ее недостатка. Первый — несущественный — крайне неудачное название, никак не соответствующее содержанию. «Преданная демократия». Кем преданная? Какая демократия?

Второй недостаток — общие концептуальные представления автора о том, что: 1) в СССР в 1986–1989 годах произошла революция; 2) во главе ее стояли анархисты из «Общины», возродившие народнический социализм; 3) именно они предотвратили превращение народной революции в кровавую бойню, предав ей организованный и ненасильственный характер. Я, конечно, преувеличиваю и утрирую (в отношении второго и третьего тезисов), но не очень сильно. Александр Шубин всегда отличался оппортунизмом и никогда не отличался скромностью. Насколько Тарасов в своей книге стремится «развенчать» анархистов, настолько же Шубин стремится преувеличить их влияние и роль в событиях Перестройки. Эти концептуальные установки, вызывающие по меньшей мере сомнения, однако, можно более или менее отделить от исторического изложения, которое достаточно правдиво и разносторонне рисует картину зарождения (возрождения) анархического движения в 1986–1989 годах. И этим историк Шубин выгодно отличается от фальсификатора Тарасова.

Петр Рябов

ВСЕМ 3,143ДЫ ОТ ЗВЕЗДЫ

*Антифа-фанат из Иркутска объяснил, что к чему
Беседовал xRASHx*

Сезон-2008 начался для многих представителей российского околофутбола с шока — фанаты ФК «Звезда» из периферийного для ногомяча Иркутска создали группировку Star Hools, декларирующую антифашизм, вывешивающую баннер с черно-красной звездой и троянским шлемом... В общем, шума было достаточно... Один из участников этой самой группировки решил поделиться своими взглядами на жизнь с читателями «Автонома»

— **Что скорее приобретет молодой человек, посещающий футбол: любовь к государству или ненависть к ментам?**

— Даже если человек приходит не на фан сектор, он сразу начинает ненавидеть ментов. Он просто пришёл поболеть за свою команду, а обыскивают его так, будто подозревают в терроризме. В общем, ведут менты себя очень грубо и похамски. Даже в отношении простых болел.

— **Зависит ли степень вашей поддержки от того, как выступает ФК «Звезда»?**

— Мы всегда стараемся на уровне поддерживать команду, но когда «Звезда» проигрывает по ходу матча, то естественно, мы ещё больше её подбадриваем. Потому что наша главная цель поддержать её, для этого мы и ходим на стадион.

— **Почему на вас наезжают менты?**

— Мы кстати спрашивали у них, почему они на нас наезжают. Так вот, как известно, на нашем стадионе довольно интересная ситуация. На противоположной, как по взглядам, так и по географическому положению трибуне есть старшей и главный, который отвечает перед ментами. А у нас нет никакой иерархии и нет главных, поэтому менты тягают всех, хотя бы определить, кто чем у нас заправляет. Но у нас все управляют всем. Решения принимаются на сходках.

— **Музыка, которую вы слушаете.**

— Музыку в STAR HOOLS слушают абсолютно разную. Потому что мы всё-таки берём на сектор не по музыкальным предпочтениям, главное чтобы человек не любил расизм, а любил футбол. Ну, кто ска или регги слушает, кто панк-рок, стриппанк, краст, хардкор или драм-н-басс. Хоть Аллу Пугачёву.

— **Должны ли быть трибуны местом, где люди выражают (например, с помощью баннеров) свое мнение по разным общественно важным вопросам?**

АВТОНОМ

49

ДОБРЫЕ КУЛАКИ

— У нас на этот счёт разные взгляды. У нас есть люди абсолютно аполитичные, есть люди которые придерживаются каких-то политических убеждений. У меня они точно есть. С одной стороны, конечно, не стоит превращать футбол в политику, а с другой стороны кто сказал, что вообще этого делать нельзя? Почему можно вешать флаги со свастикой и это не будет считаться политикой, а когда есть определённые лозунги, которые действительно социально значимы для нас, то это уже политика? Довольно-таки двойкий подход у различных околофутбольников. Мы сами себе создаём культуру и ей следуем. Это должны быть лозунги понятные и близкие болельщикам прежде всего.

— Реакция фанатов других клубов на ваше появление.

— Шоковая. Мы нажили себе врагов по всей стране. Мы первые в новейшей истории российского ОФ. Раньше были ребята с «Мосэнерго» только. В Восточной Сибири мы первые уж точ-

— Сейчас (во многом под давлением ментов) многие фан-движения публично отказываются от связей с бонами. Но на деле, конечно, наци свое влияние сохраняют... Насколько боны продолжают контролировать ОФ?

— Вывешивают тот самый баннер, появился он, кстати, совсем недавно. Деньги, видать, копили. Боны «аполитичный» сектор всё-таки контролируют. Если бы там были любящие бонов силы, то баннер бы им повесить не дали. Вообще им разрешают вешать на любые ограждения. Нам же с большим трудом удалось добиться разрешения вешать наверх, где баннер не очень хорошо видно. Но, видишь ли, мы новый для администрации и мусоров народ, а они уже натёрли им глаза.

но. Естественно, такого никому не надо. Для правых это первый звоночек, и нашему примеру могут последовать другие. Нужно создавать футбольные фирмы, которые будут выражать чёткую антифашистскую и антирасистскую позицию. Мы не хотим создавать фашикам альтернативу, мы хотим их вытеснить. Правому говну не место на трибунах. На правых ОФ форумах тоже разная реакция. Карланы орал: мы к вам приедем, всех прирежем-зарежем. А более взрослые боны вопили о начале конца.

Типа, ждите, что дальше пойдёт по всей стране. У парней появился выбор. Антифашистское движение принимает форму народного бунта. Процесс пошёл. Дальше будет жёстче. Местные правые, которые лужгали семечки на секторе «Звезды» до нас, вообще молчок. С ними разговор был только один. Сейчас пока в тряпочку молчат. Ранее на местном форуме ФК писали, что мы приносим на сектор политику, а они нет. Основа их типа не боны, а те просто с ними дружат. Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты. И потом эти абсолютно аполитичные люди вывешивают баннер у себя на секторе с ФК «Звезда» общего ничего не имеющего — это флаг конфедерации и белый кулак в центре.

Хочу сказать о наших позициях по антирасизму в футболе. Во многих клубах играют игроки, приехавшие из других стран, с другим цветом кожи. Они наёмные работники у ФК, вкладывают свои силы и здоровье в него. И почему какое-то говно будет судить, кто будет в нём играть, а кто нет?

— Степень насилия, допустимого, по вашему мнению, в ОФ.

— Ну, пока мы не совсем околофутбол... Это продолжение нашей уличной борьбы с нацизмом. Наши оппоненты тоже пока заряжают «Звезда». Мы хотим вытеснить их отовсюду. Раньше их твердыней был ОФ, они там сидели как в крепости. Сейчас они должны понять, что их место на помойке. Отжили они своё. Не нужны они на футболе, ни на концертах, ни на улицах. А так, мы готовы встретить гостей. Вообще, было бы веселее во втором дивизионе, а не в первом.

— Существует ли для вас такое понятие, как «пролетарская гордость», «рабочий класс» и т.д.?

— Мне кажется, что для любого пролетария, рабочего должно существовать такое понятие вне зависимости от того, ходит он на футбол или нет. Для нас футбол — это когда одни рабочие парни играют, а другие парни их поддерживают. Конечно, сейчас нас не радует, что футбол это бизнес и иногда очень удобен властям, когда нужно отвлечь народ от насущных социальных проблем.

— Сами-то в футбол играете?

— Ээээ, ну пока нет.

РЕЦЕНЗИИ

Дмитрий Лекух «Хардкор белого меньшинства» (М., 2007)

Ну вот и в России респектабельные футбольные хулиганы начали писать книги о белом «хардкоре» нашего общества. О сытой размеренной жизни, разбавленной нечастыми эпизодами околомячковой зарницы. Большая часть книги отдана рассказам о том, какое пиво любят попивать в дорогих ресторанах удачливые бизнесмены, беседуя о проблемах в семейной жизни или о дорогой иномарке. Вывод из таких разговоров у них один: «Мы — сливки этого общества. И оно принадлежит нам — белым мужчинам. И с нами все должны считаться». Футбольный фанатизм для них — это разрядка, хобби, пусть и опасное для здоровья. Не больше. Злит ещё то, что в книге у них просто нет врагов, от внешнего мира они защищены деньгами и своим положением. Совершенно не пролетарская проза жизни. И вот мы должны стать их врагами. Очень радуется, что я и мои друзья с этими «удачливыми белыми мужчинами» можем пересечься. И тогда уж точно будет классовая война — как минимум по околофутболу.

xRASHx

Военное Положение «Демо» (2008)

Кровожадные ребята из Нижнего Новгорода. Совсем новая группа на нашей сцене. Простенькие тексты о том, как и чем бить бонов и как себя идентифицировать. Судя по музыке, панк-рок — генеральная линия для парней. Развеселили песенки «Redskin» под популярную мелодию у костяноголовых (у положенцев вариант о «редскине — анархии солдате») и «Арматура» — с жизнеутверждающим заявлением.

xRASHx

Klowns «Наша любовь, наша ненависть!» (2008)

Киров не только удивляет отжигами Доброслава и его сектантов, но и долговечностью и целеустремленностью стрит-панк банды Klowns. С выхода полноценного альбома «Наша любовь, наша ненависть» видно, что парни стали более идейно подкованы и гордо несут знамена пролетарских революционных скинхедов. Местами, конечно материал плохо сведён, но все баги заглушает неплохая соло гитара и сингалонги. Врагам должно быть ясно, кто победит! Заказать можно через: www.rrr.punk.ru

xRASHx

Джон Кинг «Белое отребье» (М., 2006)

Это уже третья рецензия на книги Джона Кинга в «Автономе». И очень может быть, что не последняя. На самом деле, «Белое отребье» странновато. Показалось похоже на своеобразный «Уллис». «Уллис» о скинхедах и для скинхедов. До самого конца — а роман-то не маленький — толком ничего не ясно, сюжета особо не заметно. Не бросил читать из уважения к автору. И оказалось, не прогадал. К концу все вдруг встает на свои места, становится понятно, что все было к месту. И идея книги очень крута. Прочти её — и поймешь всю степень знаменитой на весь мир взаимной нелюбви английских трудящихся и английских буржуа.

zSashaz

ЭКОПОСЕЛЕНИЯ

Эксперименты на лоне природы

Тони из поселения Большой Камень: «Вот сколько было за это время, пока мы тут жили: всякие там путчи, чего только не было: смены власти, какие-то отключения электроэнергии, того, сего, то бензина нет, то ещё чего-то... а здесь? Чувствуешь себя совершенно спокойно и опору чувствуешь. Я не родилась здесь, у меня папа здесь родился. До школы, бывало, и по году жили здесь, и вот бабушка мне всё про деревню рассказывала: какая была, чего было, какие традиции были... Ну и потом, уже в 90-м, когда я уже замуж вышла, Ивана сюда привезла, ему здесь тоже понравилось. Ну и книжки всякие разные начали читать. Ну и потом попала к нам книжка Гилмана про экопоселения. Собственно, в 93-ем году, когда у меня Маша родилась, мы решили тут начать жить постоянно и начали приглашать тех друзей, которые у нас были в Питере. До этого мы в сквоту жили.

Мы начинали с оздоровления, с экологии... Но где-то в году 98-м мы решили... Ну как, вот живёшь, ведь не всё трудиться, правда? Надо какой-то праздник. А какой праздник? Мы сначала начали с 6-го на 7-е июля, но что-то не то... И тогда мы поняли: давайте попробуем с солнцеворотом праздник. Ну, провели один раз, и поняли: а петь не умеем, плясать не умеем, ничего не знаем. И стали поэтому изучать. А хочется этого, потому что когда живёшь на земле... Между прочим, это не у нас у одних такое, Иван Гончаров с Невы-Эковилля тоже самое рассказывал: когда живёшь на земле, как-то перестаёт хотеться слушать классическую музыку, бардовские песни... не то это всё. Другого просит душа, другое напрашивается. И вот это настолько естественно получается: это всё, эти все традиции, они связаны с природой, с сельскохозяйственным циклом. И когда живёшь на природе, понимаешь, что это всё нужно и важно. Там, где традиционная культура хоть как-то сохранилась: в виде ансамблей каких-то, в виде праздников, там как раз молодёжь больше держится. А там, где она полностью умерла, исчезла, вот там хотят все в город».

Ляйсан из поселения Большой Камень: «...И я считаю, что источником является как раз народное искусство, народные традиции, народные песни. Пришла я к этому не сразу, я тоже слушала рок, и мне очень не нравилась народная песня, мне очень не нравился фольклор... Люди, которым я очень доверяю и с мнением которых считаю, они увлеклись очень фольклором и стали мне о нём рассказывать. Я долго упиралась, целый год, потом я всё-таки стала слушать, с трудом, переламаывая себя. Потому что энергия народной песни — она очень сильно диссонирует с энергией города. И мы отвыкли от неё, и когда впервые слышишь это: вот этот голос, то, что называют открытым пением, ненапряжённым — это действительно ломает, это как по живому что-то такое там бередят. Потому что на самом деле ты просто вынужден бываешь посмотреть правде в лицо, посмотреть на то, что тебя окружает, посмотреть в зеркало, самое страшное, и увидеть там не человека, а некий такой субстрат из чужих идей и программ...

В общем, мне не понравилось то, что я увидела, когда стала слушать народное пение. Мне до сих пор не нравится, когда я хожу по городу и заглядываю в глаза людям, и очень часто не вижу ответного человеческого взгляда, а вижу что-то такое зомбированное. Но я верю в то, что это можно преодолеть, было бы желание. И я считаю, что одним из путей к этому: вспомнить, кто такие наши предки были, чем они занимались. Они были

очень неглупыми людьми, надо сказать. Когда они собирались вместе, они пели. Когда им было хорошо и весело, они плясали. Они не занимались сплетнями, не обсуждали телесериалы. Они своими песнями, плясками, хороводами, что, вообще, отдельная песня, что называется, потому что хоровод — это не пляска, хоровод — это духовная практика, очень сильная, и многие хороводы водятся восьмёрками, знаками солнца, они — достаточно мистическая вещь, и очень глубокая. Надо попробовать встать в хоровод, чтобы это понять, и песню нужно попробовать спеть, а не слушать, для того чтобы понять её силу. А так, вообще, я занимаюсь немножко экологией, и мне кажется, что человечество зашло в тупик. Но я вижу выход из этого тупика».

Наряды женщин красивы тонкой, самобытной красотой. Это не те наряды, которые можно увидеть по телевизору на концертах Бабиной, это не тот фольклор, которым отчитываются бюрократы, проводя на своих вотчинах праздники масленицы, это не те «корни», которыми идеализируют свою битву нацисты — это красота совсем из другой истории, музыка совсем других мотивов. И песни здесь на б ритмов, а не на 8, как вся музыка, которую мы слышим. Один удивительный барабанщик, встреченный однажды в подмосковном лесу — он рассказывал мне об этом, о том, что мы забыли старую ритмическую структуру, и что «всё испортил Глинка».

А здесь эти песни поют дети и взрослые, городские и экопоселенцы — они разучивали их последние 10 дней, они шили себе костюмы и пряли пояса, а сегодня готовили венки, соломенную русалку, дерево для двух красивых, по-разному сложенных костров. К сожалению, мы уже пропустили обряды вокруг берёзы, игру «Со вьюном я хожу», кумление и «Колосок» (когда дети идут по воздуху по рукам взрослых, а взрослые перебегают из конца в начало, продолжая тропинку рук), пропустили купание и разрывание русалки.

«А кто это там пришёл?» — спросила Тоня, и я подошел к ней и Ляйсан, поздоровался с ними и с другими людьми вокруг. Иван в зелёном колпаке, в плаще, похожий на бородатого Робин-Гуда, попросил ребят в помощь, и мы пошли с ним, взяли за жерди соломенного пузатого человечка — Ярилу — и отнесли его на костёр под хлопанья и слова о прощании с начинающим убывать солнцем, под пожелания хорошего урожая. Сегодня ночь 21-22 июня, летнее солнцестояние, солнечный цикл сегодня делает свой поворот, солнце светит максимально долго. Праздник Ивана Купалы, он же праздник Иоанна Предтече, он же праздник солнцестояния, является ключевым для «Большого камня», поселенцы которого передают в эти дни традиции и культуру, являющуюся и старой, и новой.

Вместе с ней они передают собственные ценности, говорят об автономности от машины и больших городов, об экологических способах удовлетворять бытовые потребности в селе и в городе, об использовании локальных трав и растений, о том, чем может без вреда поделиться природа рядом с домом, так что не будет необходимости возить многие продукты издалека, использовать для этого топливо и упаковки. О творчестве, пении, играх, когда поют, играют и участвуют все, а не только те, «у кого есть слух», не только «артисты» для «зрителей»; о самобытности и самостоятельности человека, наполнившего свою жизнь независимо

от макдоналдсов, телевизора, алкоголя и других наркотиков; об уважении к людям, к традициям, на которые следует смотреть критически, без стереотипов современности.

Ярило догорел под пение, и мы перешли к большому костру, ещё не зажженному. Зажигается береста, кладётся под тонкие высокие жерди, и пламя потихоньку обнимает их. Встав вокруг костра в несколько хороводов, мы закручиваем их в разные стороны. Пламя охватывает весь костёр и вздымается на несколько метров выше, отпуская в небо тысячи маленьких звёзд, гаснущих в ночи.

... если я люблю свою страну, моя любовь является в то же время любовью к человеку и человечеству ...

Эрих Фромм — «Революция надежды».

Начинается обряд славления: славятся старые боги и все кричат: «Слава!» — но, не зная по сути этих богов, я не уверен и не могу быть участником, наблюдаю как зритель. Затем каждому Иван и Тоня подносят сделанные в эти дни квас и хлеб. Смотря в глаза Тоне, можно отломить кусок хлеба, посолить и съесть, можно положить руки на хлеб и загадать желание. Смотря в глаза Ивану, можно взять большую чарку кваса, поднять её и про себя или вслух сказать славление тому, что хочешь послать, и люди вокруг, кто разделяют твоё славление, крикнут: «Слава! Слава! Слава!» Смотря в глаза Ивану, я допиваю большую чарку кваса, совсем не похожего на то, что готовлю сам, что называем мы квасом в городе. Квас наполняет половину моего пустого желудка, но остаётся вторая половина, и после славления я пристаю к моим лучшим друзьям — детям — с вопросами: где бы подрезать хлеба?

Большой камень может предоставлять внешнему миру множество трав и лекарственных растений, растущих здесь, засушенных или приготовленных в нужном виде, а, кроме этого, традиционную местную одежду, бельё, детские куклы-крупенечки. А, кроме того, предоставлять свою территорию хорошим людям под различные программы, встречи, семинары.

Потом деревянное колесо, ещё один символ солнца, поджигается и катится под гору, к реке, где и тонет, пылающее, среди камышей. Потом начинаются игры. Тело не устаёт, голова ясная, дети и их смех вокруг пробуждают к жизни взрослых. Наташа, очень красивая, снова приехала сюда со своими тремя детьми. Она бегает босая, не уставая, и улыбается вместе с детьми, не как взрослая, не как ребёнок. — Почему ты в кроссовках? — спрашивает она меня, — Ты что, боишься заболеть? — яжимаю плечами и разуюсь. Трава кажется ледяной. — Нет, если ты боишься заболеть, то не надо! — говорит Наташа. — Нет, я не боюсь — улыбаясь, снова пожимаю плечами я.

В прошлом году мы с Валом на велосипедах и электричках приезжали к Наташе в поселение анастасийцев «Ладное», рядом с более известным поселением «Родное». Анастасийцы — люди, которые прочли книги Владимира Мегре «Анастасия» и обрели новую веру. В этих книгах описаны диалоги между автором и сибирской отшельницей Анастасией, с которой его свела судьба. По их понятиям, человеку следует иметь семью, род, и семье следует жить на собственном гектаре земли и построить на нём своё «родовое поместье». В идеале, на этом пространстве следует создать маленькую экосистему с участием людей, гармонично вписывающуюся в окружающую среду. Следует оставлять и сажать деревья, перемежать плодородные и не приносящие пищи растения, использовать только органические методы ведения хозяйства, никакой химии, и не распахать землю.

Анастасийцы считают, что люди сами должны организовывать пространство, решать вопросы совместно, пытаются

налаживать дела, обеспечивать доход своих поселений, чтобы можно было переехать из городов насовсем. Кто-то использует машины и электричество, кто-то отказывается от всего этого, становится строгим вегетарианцем и живёт в постоянном окружении природы. Религиозно-философское движение анастасийцев стало самым массовым, известным и быстро распространяющимся движением ухода из больших городов и создания экопоселений: почти в каждой области России, во многих странах ближайшего зарубежья можно найти многочисленные, разнообразные поселения анастасийцев.

Как мне говорили сами поселенцы, большинство анастасийцев — люди не самые образованные, часто им не хватает знаний. Наташа — очень хорошая. Красивая, нежная, с сильным вдохновлённым взглядом, открытая, глубоко верящая в идеалы Анастасии, летом она живёт со своими дочерьми в голом поле на своём гектаре в туристической палатке, а зимой — в доме соседей, где есть солнечная батарея и печь, пока соседи уезжают в город. Она устроилась учительницей в местную школу за пять километров.

Кроме Большого Камня, Родного и Ладного есть множество известных и неизвестных поселений: Гришино, педагогический Китеж, Город Солнца в Сибири, где отец Виссарион, бывший милиционер, объявил себя Иисусом, написал «Последний завет» и собрал вокруг себя тысячи верующих: они живут экологично, вегетарианцы и веганы, строят красивые дома и готовятся к технократическому апокалипсису. Это насколько я знаю. Сам я не был там...

В Карпатах недалеко от места, где проходил лагерь No Borders, живёт Олег. Небольшая глиняная хижина с глино-соломенной печкой, вырытым вручную колодец и окружение подсолнухов, абрикосов, капусты, картошки и других вкусных овощей и фруктов. На площадке сбоку от хижины — маленький костёрчик, рядом пачки кофе и сигареты. И, с длинными светлыми волосами и бородой, худой, но мускулистый, человек в коротких старых шортах. Кажется, он встал здесь на временную стоянку, настолько мало всё обустроено для жизни. Но он встал здесь 7 лет назад.

— Вот это я понимаю, автоном! — говорит молодой анарх, — Я за этот час здесь, по-моему, больше узнал, чем за весь лагерь! Окружённый активистами, Олег рассказывает, как как живёт зимой, как — летом. В пяти метрах от его хижины стоит столб линии электропередач, но, вместо того чтобы к нему подключиться, Олег убрал бы его, если бы было можно. Олег — биолог. У него есть жена и ребёнок. Летом они много живут здесь, вместе с ним. Вечером они вернутся из города. «Единственное, что мне здесь нужно от внешнего мира — это кофе и сигареты. Мне их жена привозит. Нет, я не болею. Со всем. Зубы? Да, зубы — это единственная проблема, которая осталась. Я хочу пройти как можно дальше назад.

Хочу понять, как люди жили до всего этого — Олег показывает на столб — Это моя миссия. Читаю. Нет, я работаю, делаю что-то только когда хочу. Хочу — работаю, не хочу — весь день ничего не делаю. Сколько у меня свободного времени? У меня всё время свободное! Я хочу быть «первобытным» человеком. У меня есть друзья, разные. Вот недавно приезжали друзья из Германии. Жена не готова так жить. У неё работа в городе, она «бизнесвумен». Но это не мешает ей приезжать с сыном и жить со мной часть года. Главное — без насилия, важно не ждать друг от друга того, что другой не хочет, верно?

Смысл не в том, чтобы все стали жить как Олег. Смысл в том, что, живя здесь, проводя свой эксперимент, Олег расширяет возможности всех нас. Для этого и нужны эксперименты...

Снусмурик

О ПОЛЬЗЕ ПРОБОК

Технологии добровольно-принудительной медитации

О чем только не думается, когда часами стоишь в автомобильных пробках! Точнее, ты, собственно, стоишь не в пробке, а в переполненном автобусе, который уже непосредственно стоит в пробке. В том числе думается — и о пользе этих пробок. Прежде всего, они уравнивают бедняков и богатей, владельцев новых шикарных иномарок и тех, кто, как я, погружены в автобусную давку. (Разве что очень большие начальники в кортежах с мигалками сумели подняться над этим равенством).

Далее. Пробки поневоле изымают человека из лихорадочного ритма вечного мельтешения и позволяют ему предаться медитации, задуматься о душе, отрешившись от суеты и извечных наших «тараканьих бегов». Погрузиться в себя. Вспомнить о себе — не просто как о белке в колесе буржуазного мегаполиса. Или впервые посмотреть на окружающий мир и людей. Да, я все понимаю, остаются газеты, плееры, мобильники и разные другие хитрые выдумки, помогающие заслониться, раствориться, изолировать себя от себя и от мира, но все же...

Наконец, пробки — поистине торжество загадочной и непостижимой космической справедливости еще и в том смысле, что посредством них технологическая и потребительская цивилизация приходит к завершению и самоотрицанию. Бешеная гонка за скоростью... престижем... маркой машины... ярмарка тщеславия... время — деньги... потоки информации... ускорение до безумия и самозабвения... и вот итог — неспешные задумчивые пешеходы легко обгоняют наши запрудившие улицу автобусы и автомобили, реанимируя свои отвыкшие от ходьбы мышцы и вдыхая окрестный воздух.

Пробки дают нам возможность обретения независимости, созерцательности и смирения. Где спешка? Где гордыня? Где культивирование автомобилей — этих ярлычков преуспевания? Где попытки обогнать жизнь и вырваться вперед в вечной гонке за лидером? Стой вот и жди. Может быть, это последний великодушный шанс, который жизнь дает нам, чтобы, по словам поэта, «остановиться, оглянуться». Что-то вспомнить. Задуматься и одуматься. Устыдиться. Исправить.

Полина Елисеева

ПРИЗРАКИ СССР

Жизнь после жизни или Всё на продажу

«История не знала примера, чтоб так обходились с привидениями... Но более всего его огорчало то, что ему не удалось облечься в доспехи. Он полагал, что даже нынешние американцы почувствуют робость, узрев привидение в доспехах».

Оскар Уайльд «Кентервильское привидение».

В БОЗЕ

На аукционе постмодернистского измельчания людей-манекенов и идей-симулякров, превратившихся в бесцветный водянистый фарш, среди тотальной девальвации смыслов и слов, случилось огромное, эпохальное событие. На мировом ментальном аукционе выставляется недавно почивший в бозе Союз Советских Социалистических Республик, махина нехилых размеров. Сколько брендов, смыслов, сверхидей, преступлений, жертв, амбиций, иллюзий! Какой резервуар энергии, фанатизма, веры, фразеологии и мифологии! Тут есть, чем поживиться.

Сколько наследников — законных и не очень — собрались на распродажу по сниженным ценам былого величия и былых злодеяний! Звезда СССР потухла, но тускловатый свет от нее еще идет — и на нем можно кое-как погреть руки замерзающим от собственного бесплодия и бессмыслицы политикам и народам. Сколько можно создать репутаций, сформулировать национальных идей, наштамповать идеалов

и образов врагов, обналичить непомерных претензий: или отважно пиная издохшего от дряхлости монстра, или объявляя себя его очередной грозной инкарнацией! Скольким политехнологам, советологам, антисоветчикам, историкам партии, имперцам и национально-освободительным лидерам этот монстр еще сможет помочь!

В КРИКЕ

Вот, к примеру, телеканал «Россия» неосторожно объявляет патриотический конкурс «Имя России»: пожалуйста, граждане, голосуйте за того, кто для вас воплощает в себе все лучшее в нашей родине! И из сотен имен на первое место, далеко обогнав Пушкина с Гагариным, вырывается... Сталин! «Сталин — наше все!», «Сталин — это мы!», — исходят в крике сотни тысяч жалких, глупых и смешных детишек в красно-коричневых штанишках, делая страшные глаза, рыча, трясая погремушками, надеясь напугать окрестные державы (не Америку с Англией, ну так хоть Эстонию с Грузией) и, главное, убедить самих себя в собственной крутости и мощи.

Нам, не имеющим настоящего, совсем ничего настоящего, кроме нефти (да и ту имеем не мы), сверху настоятельно рекомендуют жить и гордиться прошлым. Надо же чем-то жить и чем-то гордиться. Так возникают и предлагаемые нам нехитрые дилеммы: «Ты за Сталина или против России?» и «Ты за свободу или против рынка?»

В ФАРСЕ

А вот другой лот с той же распродажи: «голодомор 1930-ых годов». «Нам, нам дайте», — доносится откуда-то с берегов Днепра. «Пусть весь мир узнает, что голодомор был специально устроенным Кремлем геноцидом украинского народа!» В перспективе под это дело можно завалить пару немалых зайцев: и чего-нибудь выторговать у Москвы, и сварганить какую-нибудь «незалежную идентичность» на тему «москаля — вечные враги, а мы — вечные жертвы». Дело прибыльное, но не очень красивое. Ведь, честно говоря, от голодомора 1930-ых годов (действительно, самой значительной социальной катастрофы в истории СССР) умерли миллионы людей не только на Украине, но и в Поволжье, и на Дону.

А, если уж на то пошло, сильнее всех пострадал Казахстан (свыше одного миллиона погибших — четверть всего народа!). Но товарищ Назарбаев благополучно молчит в своей новоявленной Астане — ему-то в НАТО вступать пока не надо. И Ющенко спешит погреть руки на общей трагедии, обналичив былой кошмар в форме жалкого фарса. Даже

государство Израиль, при всех попытках «приватизации» им холокоста, кажется, не дошло до выделения среди погибших в нацистских лагерях жертв евреев из числа всех прочих в какую-то уникальную категорию. Это изобретение киевских политиков.

В ХОДУ

И вот: снимают фильмы-апологии и фильмы-ужастики, пишут книги, открывают музеи о «великом и ужасном», как волшебник Гудвин из Изумрудного города, Советском Союзе. Выпускаются майки с надписью: «Наша родина — СССР!». Стиль «имперское ретро» — в ходу в РФ. Миф: «великодержавные москаля в ответе за все плохое в нашем прошлом, настоящем и будущем» — в ходу в ближнем зарубежье. Ведь выросшим в стране Малют и малюток инфантильным постсоветским людям надо же чем-то гордиться и кого-то винить во всех грехах. Так почему бы не гордиться трупом и не винить труп? Это и удобно, и безопасно, и подobaет людям-полутрупам.

Восторги одних столь же вымученно-фальшивы и запоздалы, как и праведное возмущение других. А судьи кто? А наследники кто? Вчерашние партийно-хозяйственные бонзы, ставшие «национальными лидерами» и «прозревшие правду» о «большевистских преступлениях», смотрятся не более убедительно, чем вчерашние чекисты, вдруг уверовавшие в Бога и осознавшие вину перед невинно убиенным государем. Вину, разумеется, не свою — а мирового масонства и немецких шпионов.

В ОДНОЙ ВОСЬМОЙ

Клочки и лохмотья старых мифов оживают и бродят вокруг нас — безобразные, жалкие и убогие, как зомби-калеки. Для воскрешения полнокровного тоталитаризма, как и для его искреннего преодоления и достойного погребения не хватает одного — жизни и подлинности. Святейший патриарх Алексей Второй, сказавший двадцать второго июня, что у нас, великороссов, сегодня два повода для гордости: победа во Второй мировой войне и победа в одной восьмой чемпионата Европы по футболу над шведами, — приоткрыл что-то глубинное в сущности нынешнего аукциона. В слове «державность» все более явственно слышен корень «ржавость». Истина же никого особенно не волнует. На то и постмодернистская эпоха.

То, что постсоветская постмодернистская эсэновия так же тотально гнила, бесплодна, нежизнеспособна и обречена на крах, как и сам совок, совершенно очевидно. Весь вопрос в другом: сможет ли кто-то противопоставить новые — живые, оплаченные своей верой и жизнью — смыслы этому распаду? Придут ли новые христиане на смену гибнущему третьему Риму? Повторит ли «постсоветское пространство» бесславную судьбу СССР, развалившись на куски от старости, утонув в кровавых региональных конфликтах, будучи поделено властью имущими и неся гибель, нищету, горе деградирующим остаткам населяющего ее народа? Или же — произойдет «как лучше», а не «как всегда», и очистительное пламя социальной революции сумеет превратить в пепел жалкие лохмотья вчерашних преданий, мифов и смыслов, разрушить цепенящий гипноз рабской традиции и противопоставить ему нечто живое и человеческое?

Павел Сентябрьский

АНАРХИСТЫ

И ВТОРАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

*Ситуация на Северном Кавказе
и либертарная реакция*

Полный провал попыток противодействовать Второй чеченской войне — несомненно, самое горькое поражение российского анархического движения в течение десятилетия. Чувство полного бессилия перед брутальной реальностью чеченской мясорубки давило так сильно на воображение антиавторитариев, что движение немного поднялось лишь когда интенсивность войны постепенно утихла.

Можно считать, что вторая чеченская война, начавшаяся 26 августа 1999 года, когда вооружённые силы РФ бомбили Грозный и другие части Ичкерии, завершилась 31 октября 2007 года, когда просепаратистские интернет-СМИ заявили о роспуске Доку Умаровым Ичкерии, и о замене её Кавказским эмиратом. Естественно, война до сих пор продолжается, и диверсионные нападения случаются еженедельно, но целью повстанцев уже является не национальная независимость Ичкерии, а создание теократического государства, которое объединит весь Северный Кавказ. Чеченское националистическое сопротивление оказалось маргинализированным и уже фактически не имеет влияния. Война, естественно, продолжается, но она скорее продолжение общей северокавказской войны, которая началась вторжением исламистских боевиков в Дагестан 7 августа 1999 года, или даже до этого в форме диверсионных действий исламистов, таких как нападение Хаттаба на 136-й мотострелковый батальон в Буйнакске 22 декабря 1997 года. Исламисты никогда не намеревались мириться с достижениями Хасавюртовских соглашений 1996 года. Исламизм — антинационалистическая идеология и создание государства по национальному признаку не может являться целью исламистов.

То есть в октябре 2007 года закончилась одна эпоха и началась новая, и можно подвести итоги анархических успехов, или, точнее, их отсутствия в борьбе против империалистической войны на Северном Кавказе в течение последних 8 лет.

ЛИБЕРТАРНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСЛАМИЗМ

Если для либералов победа исламистов над националистами внутри чеченского сопротивления является причиной скорби, то анархисты, скорее всего, рассматривают сражение между этими силами как нейтральные наблюдатели. Анархисты не стремятся выбрать «наименьшее зло» между авторитарными мировоззрениями. Анархический коммунизм никогда не требует «необходимых предпосылок», и если его реализация и не возможна за ночь, то, по крайней мере, замена каких-либо государственных систем другими его никак не приближает. Это, конечно, не означает, что анархисты выступают за Status Quo, — просто всегда существует альтернативный, децентрализованный, неиерархический сценарий развития общественных конфликтов.

Исламистские понятия о сексуальной свободе и положении женщин кажутся крайне примитивными, однако следует заметить, что исламизм также имеет ряд преимуществ по сравнению с другим авторитарным движением против современного мира. Исламизм отрицает любые идеи о превосходстве одних «наций» или «рас» над другими, также он предлагает некоторые ограничения капитализма, например, запрет ростовщичества. Он подчёркивает необходимость социальной ответственности, правда, не критикует капитализм как таковой. В Ливане и в Палестине исламисты завоевали доверие угнетённых благодаря социальным программам и принципиальности в борьбе против коррупции. В Чечне определённое влияние играла внешняя поддержка исламистов, но, скорее всего, решающий фактор в победе исламистов внутри сопротивления — общность интересов исламистов всего Северного Кавказа, которая обеспечила возможность создания более широкого движения поверх национальных границ. Также в условиях общего разложения развитого общества ислам как более архаическая институция обеспечивает основы общественного устройства, как это случилось в Афганистане в 1990-х годах и в современной Сомали.

На данный момент похвала исламистов и даже принятие ислама — модное явление среди западных (и не только) левых, и существуют также современные попытки синтеза ислама с анархизмом, но к ним следует относиться скептически. Ислам — конечно, не равно исламизм, первый — древняя религия, которая предполагает большую совокупность толкований, второй — это современная идеология, с толкованием которой все гораздо однозначнее. Но ислам — это все-таки единственная великая мировая религия, созданная политическим деятелем — такое происхождение обеспечило исламу относительную современность по отношению к другим религиям, то есть он намного лучше подходит для управления государством, чем другие мировые религии. Если создание антиавторитарного ислама когда-нибудь удастся вопреки современному исламизму, нет сомнений, что религиозные толкования первого будут сильно отличаться от учения второго.

Но также анархистам никогда не следует опускаться до уровня демонизации исламизма. Исламизм не является более или менее опасным, более или менее жестоким, чем какие-либо еще авторитарные идеологии. Крайне нелепо заявление «исламизм — это фашизм», которое можно слышать с самых разных сторон — от власти до некоторых анархистов. Естественно, современный исламизм не развивался в вакууме, на него влияли и фашизм, и социализм, и другие западные идеологии — но все-таки он является не подкатегорией одной из них, а самостоятельным явлением, которое позволяет иметь большую совокупность возможных вариантов общественного устройства, от абсолютного монархии Саудовской Аравии до республиканско-теократического Ирана.

Исламизм не равно ваххабизм. Главное вдохновение всех исламистов — это Иран, где вообще следуют шиитскому варианту ислама. То есть, исламизм — по сути, современная идеология (или даже совокупность идеологий), нечетко связанная с какими-либо древними направлениями религии. Ваххабистское движение, которое возникло в Саудовской Аравии в XVIII веке, несомненно, является одним из источников современного исламизма, но не менее важным является, например, создание «Братства мусульман» в Египте в 1928 году, и учение его главного идеолога Саида Кутба (Sayyid Qutb).

Несомненно, мы будем еще неоднократно соревноваться с исламистами на одном поле, поскольку во многих регионах бывшего Советского Союза они являются единственной

силой, которая способна бросить вызов предельно коррумпированным чиновникам. В данной ситуации было бы крайне ошибочно представить исламистов в качестве большего зла, чем власти — причины поддержки исламистов совершенно понятны. Также крайне ошибочна идея о любом тактическом союзе с исламистами — несмотря на поверхностную критику капитализма, современный исламизм — это даже не феодальное, а вполне буржуазное движение, только с теократической окраской. Нам не станет лучше, если сверхкоррумпированных наследников советской номенклатуры в Средней Азии или на Северном Кавказе заменят исламисты — история последних 5000 лет доказала, что никакая религия не может спасти человека от моральной деградации, которая является неизбежным следствием властных полномочий одних над другими.

КТО ПОБЕДИЛ ВО ВТОРУЮ ЧЕЧЕНСКУЮ?

Я сознательно не называю исламистов Северного Кавказа ваххабитами, поскольку это было бы упрощением — тот же Доку Умаров считает себя последователем традиционной в Чечне суфийской формы ислама. Однако именно ваххабистская секция тоже играла большую роль в конфликте, а именно в том, как раскололось чеченское общество во время второй войны.

В успехе федералов, безусловно, играла большую роль личность Ахмада Кадырова. После того, как против него совершили множество покушений в Чечне, начиная с октября 1998 года, не было сомнения о том, что влияние ваххабитов в Чечне несовместимо с его выживанием. Таким образом, федералы получили очень ценного союзника, когда Масхадов и «полусекьюлярная» власть всегда избегали решительных мер против исламистов. После начала войны Масхадов и националистское сопротивление уже не смогли отказаться от открытого сотрудничества с исламистами, но дружба оказалась намного более выгодна последним. Положение между двух огней было крайне невыгодным для националистического сопротивления, и, фактически, они потеряли свое влияние уже задолго до убийства Масхадова 8 марта 2005 года. Во время борьбы в подполье Масхадов неоднократно осуждал действия Басаева и других деятелей исламистского сопротивления против мирного населения, но реальных шагов для их устранения он, судя по всему, не предпринимал. Вряд ли он был в состоянии это сделать, и также Басаев всегда был удобным пугалом, которое можно было показать всему миру: «Не хотите договариваться со мною — вам придется договариваться с ним».

Старшему Кадырову было гораздо проще договориться о сдаче с полевыми командирами, чем с федералами, пос-

кольку он сам был живым примером и гарантией возможностей, которые переход на сторону федералов обеспечивает каждому. Аллу Алханов был последним представителем антидудаевской оппозиции 1994 года с каким-то значительным постом в Чечне, после его упразднения все руководящие посты в республике оказались плотно заняты бывшими боевиками. Теперь Кадыров младший смог приступить к следующему этапу завоевания гегемонии, к упразднению влияния всех федеральных силовых структур в Чечне — безнаказанная и наглая казнь бывшего командира отряда «горцев» Мовдави Байсарова в центре Москвы в 2006 году и снятие Сулима Ямадаева с должности командира спецбатальона минобороны «Восток» в апреле 2008 доказывают, что он это может себе позволить. Поскольку окружению Кадырова позволяют также рейдерские захваты предприятий, контролируемые чеченскими бизнесменами вне Чечни, отношения федеральной власти с Кадыровым младшим не укладываются ни в какие правовые нормы XXI века, а развиваются по феодальному сценарию «царь — князь». «Князю», то есть Кадырову младшему, позволяют творить в Чечне что угодно, начиная с частных пыточных тюрем в своих владениях. Влияние федеральной власти в Чечне, несомненно, слабее, чем даже во время Дудаева, когда там ещё существовала дееспособная оппозиция, и порой Дудаев контролировал одну только столицу республики. Чеченские националисты были вынуждены отказаться от формальной суверенности и самостоятельной внешней политики, но взамен они получили внутри «своей» республики власть, о которой другие правители субъектов российской федерации могут только мечтать, а также щедрые субсидии из казны.

Сегодня Чечня — крайне авторитарная страна, и невозможно оценить уровни реальной поддержки Кадырова. Тот факт, что множество влиятельных полевых командиров все ещё скрывается в республике, показывает, что сопротивление не полностью потеряло свою поддержку. Но нет сомнения в том, что политика Кадырова, несмотря на множество скандалов, получила поддержку значительной части населения. В первую очередь это объясняется улучшением жизни в материальном плане и в плане безопасности по сравнению с обоими периодами независимости (в 1991–1994 и 1996–1999 годах). Но поддержка объясняется также и тем, что Кадырову младшему удалось доказать, что он не просто марионетка, а в определённом смысле продолжает националистический проект. Сейчас Чечня, пожалуй, одна из самых однородных в этническом плане территорий в Европе, и власть (и гражданская, и силовая) в ней полностью в руках бывших сепаратистов-националистов. Все понимают,

что когда наступит следующий цикл ослабления централизованного государства в России (что, несомненно, произойдет), уже никакие силы не удержат Чечню под властью Москвы.

Но для анархистов все эти интриги, конечно, второстепенны — захват заложников и соревнования между федералами и сопротивлением, то, кому в итоге удастся больше убить — это просто детали в общей кровавой трагедии: 100 мертвых в Дубровке и 300 мертвых в Беслане — лишь небольшая часть общей картины десятков тысяч убитых и искалеченных. Война — это всегда беспринципное и кровавое дело, и если удаётся договориться о правилах игры, то только при условиях взаимной выгоды. Но в случае со второй чеченской к этому не стремилась ни одна из сторон, и, в итоге, они все несут ответственность за происходящее.

И в общем плане даже второстепенно, что случилось в Буйнакске, Волгодонске, Москве и Рязани 31 августа — 22 сентября 1999. Да, есть много мутного в этих историях, больше всего в событиях в Рязани, и в случае нашей победы (и, скорее всего, только в этом случае) это все будет расследовано. Но пока «альтернативная версия» тоже далеко не до конца разработана, и автор статьи уверен, что события развивались бы по такому же сценарию и при отсутствии данных взрывов — общественное давление даже близко не имело силы остановить Первую чеченскую. Её остановили исключительно боевые успехи сопротивления, то есть в 1999 власть могла бы спокойно разжигать войну и без взрывов.

То есть — кто победил? Несомненно, победили перебежчики-националисты — они не завоевали формальной независимости, но реальное их влияние превосходит власть среднестатистических современных политиков, руки которых связаны международными соглашениями. Несомненно, победили и федеральные силы, и чекистская шайка, которая в течение последних 8 лет поставила под контроль Россию — правда, они были вынуждены отдать всю власть в Чечне бывшим националистам, но зато им теперь гораздо меньше угрожает рост

недовольства из-за грузов-200, изготовленных в целях «сохранения целостности страны». Ну и в определённом смысле победили и исламисты — у них, правда, нет возможности реализовать свои политические амбиции в России в течение следующих десятилетий, но, по крайней мере, у них теперь фактическая монополия на партизанское сопротивление в стране. Среди воевавших сторон, пожалуй, единственная, которая потерпела полное поражение, является националистическое сопротивление. А что касается не воевавших, то они только потеряли — сотни тысяч физически и духовно искалеченных людей будут передавать травмы войны своим детям и внукам.

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ В ЧЕЧНЕ

Происходящее в Чечне в 1991-1994 годах — очередной пример моральной провальности национал-освободительной идеологии. Власть Дудаева была не в состоянии остановить насилие, грабеж и этническую чистку терских казаков (живших как минимум с XVI века в районах, которые, скорее всего, никогда не были населены вайнахами) и других жителей республики, которые оказались в уязвимом положении при крахе советской системы.

Грубое упрощение характеризовать замену власти в Чечне в 1991 году как переворот или узурпацию власти. На самом деле в Чечне произошла настоящая революция, возможно, самая глубокая из всех тех, которые произошли в бывшем восточном блоке в 1989-1991 годах. Если в Центральной Европе и особенно в СССР перемены были во многом организованы самими представителями номенклатуры или, по крайней мере, оппозиционной интеллигенции, в Чечне представители низших слоев населения были вовлечены в намного большей степени, чем где-либо еще. Если сам Дудаев и его ближайшее окруже-

ние были представителями номенклатуры, основным двигателем в революции были самые маргинализированные слои общества — старики-жесты депортации, сельская и безработная молодежь. Это объясняется спецификой советского строя в Чечне — если на высших постах республики прилично сохранили национальный баланс её жителей, то такого уже не было в средних, технических специальностях, которые в основном были закрыты для чеченцев. То есть, кроме узкой просоветской номенклатуры и интеллигенции, подавляющее большинство чеченцев было занято сельским хозяйством и находилось на нижних ступенях городской экономики из-за высокой рождаемости (которая, несомненно, частично была следствием травмы депортации) и ограниченных возможностей. С середины 1980 годов они также все больше были вовлечены в маргинальные и криминальные слои экономики. Эти люди никогда ничего не получали от советской власти, и у них были все причины ненавидеть всех, кто как-то встроился в систему.

С 1991 года наступил час расплаты, и они охотно использовали все возможности. Из Чечни сбежало не только неэтническое население, а вообще большинство прежней интеллигенции. Было бы упрощением сказать, что конфликт имел чисто национальный характер — кроме этнического противостояния, также существовали конфликты «пролетариат против интеллигенции и бывших представителей номенклатуры» и «крестьяне против горожан». Но поскольку двигатели революции были лишены советской властью навыков управления современным государством, в Чечне произошёл процесс «демодефикации», более архаические структуры (религия, тепп) заменили современные. Но во взаимодействии с современным капитализмом эти процессы произошли в коррумпированной форме — например, в древнем горном обществе институт рабства (который, скорее всего, даже неправильно так называть) был, судя по всему, формой социальной защиты для уязвимых людей, находящихся без поддержки семьи и рода.

Но теперь ему помешали быть таковым экономические интересы, и этот институт заменился крайне прибыльной торговлей людьми, которая в 1996-1999 годах достигла такого размаха, что стала главным источником иностранной валюты в республике, и с ней была связана большая часть её тогдашних руководителей. По данным «Новой Газеты», в том числе и Доку Умаров. Естественно, причиной войны 1999 года было не «освобождение рабов», а в первую очередь «сохранение целостности страны». Причиной также не были природные ресурсы республики, поскольку нефти и газа Чечни, скорее всего, никогда не хватит на компенсацию всех расходов войны. Но нельзя игнорировать то, что торговля людьми была одним из факторов, которые направили общественные симпатии в сторону России и против сепаратистов. Сепаратисты тради-

няты — вероятнее всего, Дудаев просто пытался быть маленьким Ельциным, или Ельцин — большим Дудаевым. Разгром чеченского парламента Дудаевым в 1992 году был повторен Ельциным чуть более года спустя в Москве. В июне 1993 года Дудаев уже стрелял из танков по мэрии и митингу оппозиции.

Прежде всего, пример чеченской революции является веским аргументом против тех марксистов (в первую очередь левых коммунистов), которые считают, что только материальные условия и классовый состав движения определяют его судьбу, и коммунизм возникает сам собой. Это не так — никакая эмансипация невозможна без охвата антиавторитарными идеями воображения широких масс. И тут дело не в «отсталости» Чечни — на самом деле, в советской Чечне промышленность была более развита, чем во многих других республиках — только преимущественно русский промышленный пролетариат оказался в привилегированном положении по отношению к преимущественно сельскому или люмпенизированному чеченскому пролетариату.

Постколониальные процессы, направленные против бывших представителей привилегированных слоев, были намного более жесткими, например, в Алжире и в Занзибаре 60-х годов. Но то, что произошло в Чечне 1991–1994 годах, является напоминанием анархистам о том, что не всякая революция — анархическая, даже тогда, когда она насильственная, не несет (только) этнический характер и двигающей силой ее являются самые низкие слои общества. Кроме второй и третьей характеристики необходим еще и охват антиавторитарными идеями значительной части движения — иначе, скорее всего, повторится судьба Чечни — кровавые конфликты между разными фракциями элиты, безнаказанность бандитизма, жертвами которого становятся часто именно этнические меньшинства, хотя и не только они.

ционно указывают именно на российские спецслужбы в качестве разжигателей внутричеченских конфликтов и поддержки бизнеса торговли людьми, и некоторые улики, доказывающие это, действительно существуют. Но заявления о том, что Басаев — агент ФСБ, невозможно принимать всерьез, также как и конспирологические теории об 11 сентября, которые полностью отрицают способность самих мусульман создавать мощные движения против империалистических амбиций.

Теория А.С. Арутюнова, самого крупного чеченского научного и общественного деятеля в эмиграции, об относительно антиавторитарной исторически сложившейся «военной демократии» чеченцев не оказалась способной направить революцию в антиавторитарное русло — никакие архаические антиавторитарные общественные строи не могут существовать в окружении современного капитализма, нет никаких путей обратно в прошлое. Ну и по большому счету такие попытки не были при-

АНАРХИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ

Наверное, при отсутствии взрывов 1999 года антивоенное движение было бы унылым, но после их совершения антивоенного движения на улицах не было вообще. В итоге прошло 4 месяца после войны перед тем, как антимилитаристы набрались храбрости выйти на улицы, и первыми в Москве выступили анархисты в январе 2000 года (вроде бы до этого уже были жалкие пикеты в некоторых других городах). Скоро появились и другие силы (либералы и троцкисты), и возник вопрос о сотрудничестве — в этом плане в Москве и в Питере события развивались в разных направлениях.

В Питере все антивоенные силы, заинтересованные в уличной деятельности (анархисты, либералы, троцкисты) договорилось о совместном антивоенном пикете, где все присутствовало со своей политической символикой. В Москве либералы не хотели присутствия политической символики на пикете, но из-за характера лозунгов («переговоры с Масхадовым» вместо «никакой войны кроме классовой») еженедельный пикет, по сути, все-таки носил либеральный характер.

Вопрос о политических символах — тонкий, и, на самом деле, во множестве случаев в течение последних лет анархисты видели свою роль в общественных движениях Москвы как защитники автономности протестов от политических партий, и тогда целесообразно настаивать на отсутствии атрибутики вообще, в том числе анархической. Но когда предлагаемые решения проблемы носят уж очень идеологический характер, как это получилось с Кавказом, анархическая символика на акциях помогает подчёркивать различия между решениями, предлагаемыми анархистами, и решениями, предлагаемыми другими политическими силами.

Самостоятельные анархические антивоенные пикеты накрылись уже весной 2000 года, и немногие анархисты стали ходить на еженедельный либеральный пикет. «Автономное Действие» в Москве сделало вывод, что участие в еженедельном пикете, скорее всего, носит только символический характер, малочисленность пикета не соответствует широкому распространению антивоенных позиций в обществе (против разных аспектов политики Путина на Северном Кавказе, согласно общественным опросам, в разные периоды выступали 30-50% населения).

Поэтому московская группа «Автономного Действия» стала искать альтернативные пути противостояния происходящему — в начале сбор гумпомощи и распространение наклеек с адресом антипризывного сайта казанских анархистов, потом (с 2004 года) организация фестиваля «День дезертира». Осенью 2002 года, после захвата заложников на Дубровке боевиками и в отравления их газом, антивоенное движение в Москве поднялось в последний раз, но ненадолго, и последним ударом по «антивоенному единству» стало предоставление платформы на акциях московского антивоенного комитета такому кандидату в президентской гонке 2004 года, как Ирина Хакамада. Антивоенные настроения в российском обществе всегда были распространены намного шире узкого слоя либеральной интеллигенции, которая сочувствует США и неолиберализму, но либеральные участники комитета этого не понимали, и, в итоге, «Автономное Действие» в Москве разорвало сотрудничество с ними уже во второй раз, и на этот раз навсегда.

Мы никогда не были готовы сотрудничать с либеральными партиями, которые участвовали или хотели участвовать

в выборах, но мы были готовы сотрудничать с общественными организациями без четко определённой партийной позиции, даже если сами участники этих движений были по взглядам преимущественно либералы. Но, к сожалению, они не увидели ценности в сохранении политической независимости своих общественных организаций.

ФЕСТИВАЛЬ «ДЕНЬ ДЕЗЕРТИРА»

«Автономное Действие» в Москве уже в 2001 году выбрало борьбу против призыва в качестве тактического метода антивоенной борьбы — естественно, мы никогда не поддерживаем профессиональную армию, мы поддерживаем черную гвардию добровольных антибуржуазных ополчений, но вокруг вопроса призыва интересы рабочего класса России и Чечни встречаются как никогда. Лейбл фестиваля «День дезертира», организуемого ежегодно с 2004 года — сознательный эпатаж, естественно, мы далеко не всегда можем поддерживать военнослужащих, которые бегут из частей, вооружённые автоматами и убивая сослуживцев. Но мы можем их понять, и другие, более рациональные формы дезертирства, по большому счету, являются единственной правильной реакцией на империалистические войны.

Мы выбрали такой лейбл, чтобы в самом начале заявить о своей принципиальной позиции, и о неприемлемости реформ вроде «профессиональной армии» или «переговоров с Масхадовым». Только путем заявления подобной принципиальной позиции мы могли развить автономный анархический политический субъект в России, который иначе бы потерялся в общей массе либералов и «леваков» («левизна» которых часто под сомнением).

«День дезертира» стал успешным, первоначальной целью не было создание традиции, но в этом году его организовали уже в пятый раз (на этот раз впервые не в Москве, а в Кирове), также он стал эталоном других межгородских анархических мероприятий, которые вскоре за ним последовали («Чёрный Петроград», «Либертарный форум», «Гендерный фестиваль» и т.д.). В итоге, эти междугородние анархические мероприятия фактически заменили съезды формальных анархических организаций как главную форму межгородского общения движения. Таким образом, в корне трансформировалось анархическое движение в России. Несомненно, после очередного «Дня дезертира» у людей гораздо больше позитивных настроений,

чем после очередного антивоенного пикета, то есть, по крайней мере, в этом плане новую тактику можно считать успешной.

Но, несмотря на то, что первый «День дезертира» был организован в память 60-летия чечено-ингушской депортации, постепенно антивоенная тема ушла на задний план, и в этом году в Кирове поднимали, фактически, исключительно антиармейские вопросы. Интенсивность конфликта уже много лет идет на спад — чем меньше новостей о диверсионных атаках, тем меньше эта тема занимает кругозор анархистов и общества в целом. И, парадоксальным образом, поражение анархистов в антивоенном плане открыло пути новым направлениям деятельности. Поскольку северокавказский вопрос уже не является темой ежедневных новостных выпусков, анархисты могут заниматься более плодотворными темами, чем антивоенная, которая с самого начала была осуждена на поражение. И это потому только, что одно «существенное меньшинство» антивоенно-настроенного населения ничего не значит, если не существует политических структур, которые способны организовать их к сопротивлению.

ПОРАЖЕНИЕ КАМПАНИИ ПРОТИВ ВТОРОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ

Но ни у анархистов, ни у других антивоенных сил таких структур нет. Во времена перестройки анархическое движение связало свою судьбу с общим демократическим движением, и совершенно не было готово на скорость и дерзость ельцинского предательства. К чести либералов надо сказать, что самые вменяемые из них также поняли происходящее уже заблаговременно до начала Первой чеченской, но после долгих лет построения либералами базы поддержки лжедемократическому сегменту номенклатуры, массовка осталась либо там, либо в полной апатии, пытаясь выжить в условиях шоковой терапии начала 90-х. Менять курс было уже поздно, и анархисты, «демократические леваки» и «совестливые либералы» оказались без массовой базы, что уже стало заметно во время Первой чеченской. Тогда, несмотря на антивоенную пропаганду в СМИ олигархов, которые надеялись получить дивиденды от Ельцина, оказывая на него давление путем антивоенной пропаганды, выступления даже во время Первой чеченской были довольно вялыми. Ну и вообще, в истории фактически не было случаев, когда удавалось остановить империалистские войны одними только усилия-

ми гражданского населения самых империалистских стран, а в случае победы антиимпериалистических движений (например, во Вьетнаме) наибольший вклад всегда делали сами партизаны.

Но в Чечне с самого начала баланс сил был слишком неравным — победа сопротивления в первой войне уже была чудом, которое не имеет аналогов в современной истории, и не удивительно, что не удалось его повторить. И причины поражения во второй войне были установлены уже в 1996 году, когда в Хасавюрте не удалось добиться признания суверенности Ичкерии Россией. То есть, несмотря на чудо-победу на грани возможного в Грозном, в дипломатическом плане сопротивлению удалось добиться только ничейного результата. Это, скорее всего, было понятно и Масхадову, и Басаеву, — но только второй решился на продолжение войны, а первый понял, что ресурсы сопротивления уже полностью исчерпаны, и он, скорее всего, понадеялся, что какое-то чудо развалит Россию, что позволило бы Ичкерии установить независимость *de jure*. Но чуда не случилось.

Сейчас из-за успешной «локализации» конфликта (когда его ведут в основном местные армейские и милицеские структуры) жители остальных регионов РФ — лишь небольшая часть от потерь, и еще меньшая среди них доля призывников. Также благодаря укреплению контроля над СМИ, война фактически исчезла с телеэкранов, и для большинства населения уже закончилась совсем. Единственная надежда сопротивления сейчас — какой-то глобальный кризис, который полностью развалит Россию и остановит приток бюджетных дотаций местной элите, но текущий энергетический кризис наоборот усиливает федеральную власть в России.

Но упрямство питерских анархистов (фактически 8 лет непрерывных еженедельных антивоенных пикетов) тоже заслуживает похвалы. Было время, когда в пикетах участвовали меньше, чем 10 человек, и все это казалось совершенно безумным мазохизмом, но в какой-то момент численность начала расти, и в 2004-2007 годах в пикетах регулярно участвовали десятки людей, из которых иногда 90% были анархистами. Питерским анархистам удалось завоевать открытое городское пространство, куда регулярно в течение двух часов любой горожанин смог бы приехать и общаться с анархистами, и покупать анархо-литературу. Это достижение стало возможным только путем упрямства и самопожертвования — неоднократно приходилось защищать пикет, сначала с палками, потом с ножами, и, в итоге, один из старших его участников был вынужден покинуть пределы РФ, когда спецслужбы стали использовать один из случаев самообороны как повод для репрессий против движения в целом.

В итоге самые главные проблемы питерского анархического антивоенного движения были связаны не с его тактикой, а с его позицией, конфликт вокруг которой, в итоге, раскол и полностью уничтожил самую старую на тот момент в СССР анархо-группу, Питерскую Лигу Анархистов.

Позиция ПЛА всегда была позицией поддержки сопротивления (с неодобрением нападения против мирного населения)

и объединения всевозможных антипутинских сил, исходя из предположения «сначала свергнем власть, а уж потом между собой разберемся». Московское «Автономное Действие» никогда не одобряло подобного «экуменизма», мы исходим из позиции, что никто нас не будет поддерживать, если мы не можем предложить достойной альтернативы существующему строю. Если мы когда-нибудь и действовали вместе с другими антивоенными силами, то это всегда происходило только при условии, что у нас будет возможность четко представить анархическую альтернативу империалистическим войнам — братство пролетариата обеих сторон фронта против их собственных начальников.

Позиция ПЛА частично обоснована, поскольку в 1994 году все-таки именно федеральная власть начала масштабное кровопролитие — внутренний конфликт в Чечне существовал до этого, но Ельцин увеличил его масштабы до совсем иного уровня. Но чтобы убедить людей в наличии альтернативы, нужно им ее представить — ведь человеку, который наблюдает общий фронт со стороны, как правило, кажется, что эти люди сами не знают, чего хотят. Сегодня вся российская оппозиция разваливается, и только анархисты на подъеме — это говорит о том, что мы были правы, когда настаивали на сохранении собственных позиций в отношении чеченской войны. Если бы анархисты стали сливаться с общим фронтом в 2000 году, нас уже давно не было бы вообще.

ПОРАЖЕНИЕ — ЭТО НЕ КОНЕЦ БОРЬБЫ

То есть, несмотря на то, что главными виновниками эскалации конфликта были именно российские власти, «Автономное Действие» Москвы никогда не могло поддерживать ни национальные, ни исламистские элементы чеченского сопротивления. Мы всегда предлагали третий вариант — объединение пролетариата обеих сторон конфликта против своих вождей. Но на практике после начала первой войны такой «третий субъект» фактически отсутствовал на месте, люди в Чечне были слишком заняты выживанием, чтобы противостоять своей власти.

В какой-то степени сейчас такой силой является движение против исчезновения людей, в котором в основном участвуют невооруженные женщины (судья по всему, на Кавказе считают, что мужикам не достойно что-либо спрашивать у власти без автомата). Также таким движением, несомненно, являются жители Махачкалы, которые после распада городской инфраструктуры из-за коррумпированности власти прошлой зимой строили баррикады, судья по всему, стихийно. Но, к сожалению, несмотря на то, что такие инициативы уже не первый год наблюдаются на Северном Кавказе, анархическое движение России пока оказалось недостаточно сильным, чтобы создавать с ними достойный союз. Третий пример — движение матерей Беслана, но из-за общей политической ситуации, которая не допускает наказания людей, открывших штурм и стрелявших по детям-заложникам танками, оно постепенно направляется в безопасное для власти антиингушское русло.

И при отсутствии подобной третьей силы позиция поддержки сопротивления, конечно, весьма привлекательна для радикалов, поскольку бородатые мужики с автоматами, несомненно, гораздо более круты, чем бабушки с плакатами о своих похищенных сыновьях. В итоге, некоторые люди из ПЛА нашли общий язык с антиарабским и антирусским расистом Борисом Стомахиним, который сейчас отбывает срок, в том числе и за «унижение человеческого достоинства группы лиц по признакам национальности», которое он, несомненно, совершал (это, конечно, не означает, что человека следует сажать за одни только высказывания, лично по мне, ему бы хватило умеренного физического воздействия).

Русофобия является если не неизбежным, то, по крайней мере, логическим концом на пути поддержки националистического и исламистского сопротивления, и в последствии пути анархистов разошлись, и антивоенный пикет в Питере унаследовали в основном те, кто в начале отказался от интернационализма, а потом от анархизма вообще. Некоторые питерские товарищи нас критиковали за то, что в Москве мы «недостаточно уделяли внимания антивоенной теме» — но вместо ритуальных протестов мы пытались найти какие-то творческие и новые подходы, очаги влияния — мы не отрицали важности чеченской тематики, но сама актуальность темы ещё не определяет приоритетов. В плане результативности невозможно считать успешным ни «питерский», ни «московский» подходы, но, по крайней мере, в Москве нам удалось установить определённые способы действия, которые позже помогли местному анархическому движению выйти в плане действий на следующий уровень.

Кроме путей АД-Москва и ПЛА, был ещё и третий путь противодействия — анархо-синдикалистский московский МежПрофессиональный Союз Трудящихся делал антивоенные наклейки и присутствовал на некоторых антивоенных акциях, но никогда не делал ставку на антивоенные акции как таковые. Они предпочли искать конфликты на рабочих местах и в других областях, которые открыли бы пути развития такому общественному движению, которое смогло бы сделать вызов капитализму и таким последствиям капитализма, как империалистические войны. Тут есть определённый смысл — понятно, что антивоенные акции в том виде, как они проходили, были скорее символическими акциями для очистки совести, чем реальным способом остановить войну. С другой стороны, нет сомнений в том, что в начале 2000-х годов чеченская проблема была самой актуальной в обществе, и АД-Москва решило, что было бы преступлением молчать, несмотря на отсутствие возможностей реально влиять на происходящее. Путем организации акций протеста, мы, по крайней мере, смогли прервать ситуацию полного молчания в обществе, и найти тех немногочисленных людей, которые также были готовы действовать вопреки всем шансам. Легко быть анархистом в революционные времена, но подвиги, которыми мы сейчас завидуем, легки, когда у тебя есть ощущение поддержки и одобрения обществом вокруг тебя. Самые настоящие революционеры — это как раз те, кто не падает духом даже в условиях полной изоляции. Мы почти пали духом, но все-таки выдержали это испытание.

Петр Афос

БИЗНЕС ПОД КРАСНЫМ КРЕСТОМ

*Государство и фармакологические корпорации
легализовали наркоторговлю*

АВТОНОМ

64

Москва, сентябрь, ночь с пятницы на субботу. Одна из круглосуточных аптек крупной сети в центре, около метро «Третьяковская». За последний год у её выхода выросло два новых мусорных бака. Но это все равно не помогает — пустые пачки из-под «Терпинкода» валяются уже в нескольких сотнях метрах от аптеки. По ним, как по горячим следам, дорогу к аптеке найдет даже немой и глухой, тот, кого язык до Киева не доведет. Мусорные баки, как рассказала мне уборщица тетя Нонна (приехала из Грузии пять лет назад, здесь в аптеке работает уже три года) поставили специально для молодежи, которая запикивает в рот противокашлевые таблетки, едва выйдя из магазина.

«Уж я сколько воевала с ними, сколько просила! — с легким акцентом говорит тетя Нонна. — Все без толку. Все равно сорят эти наркоманы. Да что им — лишь бы сожрать этой гадости, пивом запить и идти потом по подъездам гадить, нашей сестре и там говно подкидывать! На вопрос о том, сколько человек еже-

дневно заходит сюда, чтобы купить противокашлевые таблетки, тетя Нонна по-восточному экспрессивно всплескивает руками: «Ой, дорогой мой! Да кто ж сосчитает их, гаденышей! Бывает, обычно ближе к ночи, что к провизору стоит очередь человек пять-десять. Один раз ВСЕ в очереди стояли за терпинкодом. На предпоследнем посетителе он кончился, и приличного вида два молодых человека — ну вот как ты прям, в костюмах! — купили вместо него «Коделак». Я слышала, как они выходили расстроенные, мол, от коделака эффект не такой сильный!

Господи, вот и придумали же себе развлечение! — сокрушается тетя Нонна.

Сведения, которые я почерпнул из разговора с провизором этой аптеки, оказались лишь чуть более развернутым повторением сказанного тетей Нонной. При том, что уговорить Валентину М., стоящую за прилавком аптеки, было непросто. Она долго делала вид, что не понимает, о чем я. Говорила, что противокашлевые таб-

летки разрешены к безрецептурному отпуску... И лишь когда мне удалось доказать ей, что я всего-навсего корреспондент журнала, а не сотрудник каких-то неведомых органов, наконец разговорились.

Да, «Терпинкод» сейчас — последнее года три-четыре, — один из самых ходовых товаров, сравняться с ним может разве что настойка боярышника (самый дешевый алкоголь в нашей стране). За сутки стабильно уходит минимум 100 пачек — это не говоря о других кодеинсодержащих; иногда случается в разы больше. Валентину удивляет, что несколько пачек терпинкода (верный признак «нецелевой» покупки — не для купирования кашлевого синдрома) подчас берут весьма прилично одетые люди, по которым внешне никогда не скажешь, что они — наркоманы. На вопрос, не собираются ли кодеинсодержащие переводить на рецептурный учет, Валентина пожимает плечами: «Слышу об этом уже четвертый год подряд. Не знаю — сами видите, ситуация не меняется».

ГОЛОСА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Вадим Н., 33 года, тележурналист

«О терпинкоде и о его доступности я узнал от своего знакомого, — драгюзера с большими стажем и эрудицией. В одной из наших бесед он как-то обмолвился, что есть такие таблетки, «Терпинкод» называются, так вот они — кодеинсодержащие. Все это он, неслабо сидящий время от времени на опиатах, описывал в ярко выраженном негативном контексте. Добавил, что есть даже персонажи, успевшие приторчаться к нему. Ин-

формация эта прочно засела у меня в голове. Как и любая информация о каком-либо новом наркотике.

Дело было в Останкинском телецентре, я сидел вместе еще с двумя редакторами в комнатке, где заполнялся сайт нашей телекомпании. Положив трубку, я сообщил своим коллегам о том, что мне необходимо минут на сорок покинуть их и двинул в аптеку.... Но попробовал я в тот — первый! — раз не «Терпинкод», а «Коделак» — таблетки с таким же содержанием кодеина, но в другом, так сказать, окру-

женин. Десять неприятно-пресных на вкус таблеток были проглочены мною в маршрутке, которая везла меня от аптеки в район метро «Рижская» к телецентру. А минут через десять после того, как я сел за компьютер в нашей комнатке, начался и эффект. Приятное расслабление, теплая такая вата внутри. Все это мне очень понравилось, и с тех пор иногда я шел в аптеку и покупал упаковку «Терпинкода» или «Коделака».

Любил сопровождать этим веществом важные события в своей жизни — так прошла моя, например, свадьба или рождение ребенка. За рождением ребенка кодеин мало-помалу занял собой всю изнанку моего существования целиком; постепенно я начал употреблять его ежедневно. И длится это до сих пор...»

Иван Ф.

«Я уже восемь или девять месяцев употребляю кодеин, в таблетках от кашля. Прилип к этому так плотно, что сам себе удивляюсь! Подскажите, пожалуйста, как избавиться от этой дряни, надоело! Проблема моя скорее не в самих таблетках, а в их доступности!»

Nulorilll, один из администраторов сайта www.drugusers.ru

«Это, конечно, меня не красит, но признаюсь: я два года ежедневно ел «Терпинкод», сначала по три пачки, потом... Даже вспоминать не хочется... Параллельно колол героин, он же перец, сначала тоже не регулярно, последний год — каждый день. Потом бросил, всё и сразу... отходы от перца длились ну неделю — максимум, с терпина ломало/подламывало (именно!) три недели, кумарило ещё два месяца.

Не спал, ходил с трудом, про депры вообще молчу... Лично мне расставание с кодеином далось гораздо труднее, чем с героином. Так что думайте».

Михаил Н., дизайнер

«Плотно начал его употреблять практически сразу, в моей жизни начались жуткие перемены не очень приятные, я потерял человека которого любил, жилье, очень переживал. Человек я очень впечатлительный и то, что обычные люди даже не заметят, во мне вызывает бурю протеста или наоборот радости! И я почти каждый день стал употреблять «Терпинкод» не из-за какого-либо кайфа, а только потому, что он помогал мне заснуть и чувствовать себя спокойно! И того я употреблял его около пяти лет.

Денег уходило очень много, но не сразу, с начала мне хватало одной пачки в день, по тем временам «Терпинкод» стоил 70 рублей, «Коделак» 50 рублей. Но даже при таком раскладе это было по карману! До недавних пор я тратил по 500 в день! Сидя на этом дерьме я уже стал забывать, что такое настоящие чувства. Я думал только о том как бы не остаться вечером без денег и купить себе пачечку; я стал плохо владеть своей памятью.... У меня начались проблемы в личной жизни.

Как проходил процесс завязывания? Было жёстко — сначала сам пытался; первый день ничего, можно держаться, на второй потеешь ночью и нервы шалют, на третий день болят суставы на ногах так, что не можешь спать!.. Это было жутко, но не смертель-

но, обычно с снотворным типа «Донморил» получалось заснуть. В конце недели все проходило, и вот радость жизни! Я свободен, думал я. Потом еще одна неделя — никакого кодеина — и того две недели не торчал. Но потом поругался со своей, очень сильно поругался, и не смог пройти мимо аптеки — снова начал принимать... Так как очень переживал. Я слабый человек и не мог бороться... Со своими переживаниями. Я даже ходил каждый день в церковь. Думал, помогло, а потом снова и снова в аптеку...

Лечился я в клинике «Мерамед». Не знаю насколько их способ полезный — но это помогает, и самое главное они снимают психологическую тягу. Врачи тебя не бросают с самого первого обращения. Даже если ты не заплатил, они звонят тебе, поддерживают...

...А Москве во всех парках, скверах, на улицах, около аптек валяются пустые пачки из под Терпинкода, да я даже в лесу его видел. В аптеках его уже на кассах хранят. Это же самый ходовой товар! например сеть «36 и 6» на «терпинкод» снизила цену! Потому что он у них тоннами идет. Это из моих личных наблюдений...»

ГОЛОСА ЭКСПЕРТОВ

66

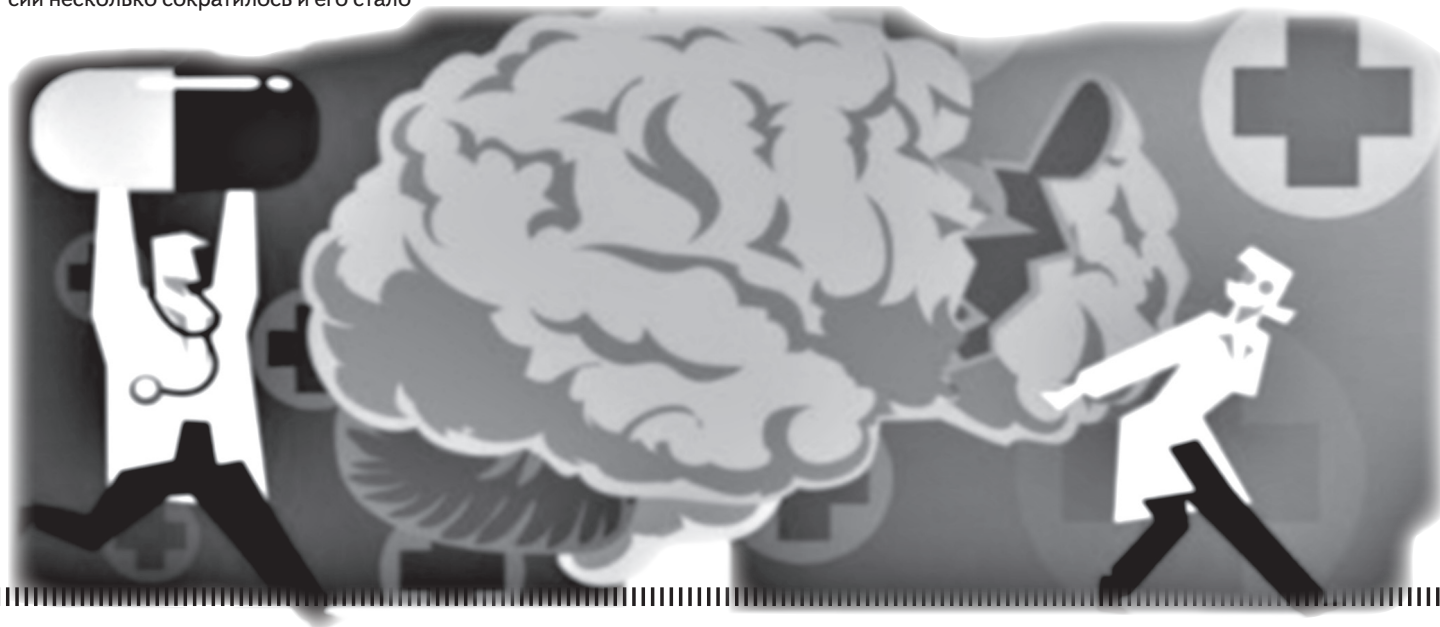
**Иеромонах Анатолий (Берестов),
руководитель Душепопечительского
центра святого праведного Иоанна
Кронштадтского, доктор медицин-
ских наук**

«В советское и перестроечное время все препараты кодеина продавались только по рецептам. Однако с 2001 года, когда количество героина в России несколько сократилось и его стало

трудно достать (из-за неурожая мака в Афганистане), кодеиновые препараты выпустили в свободную продажу в аптеках, и сотни тысяч, а может быть, и миллионы молодых людей, «подсели» на кодеин. В постановлении правительства РФ от 6 мая 2004 года перечислены препараты, содержащие кодеин, оборот которых в Российской Федера-

ции ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля.

Однако в этот список не вошли «Кодипронт», содержащий 30 мг кодеина, «Коделак», «Терпинкод» (8 мг кодеина, не путать с «Кодтерпином», который вошёл в правительственный список), и другие. К тому же, все препараты кодеина — и вошедшие в спи-

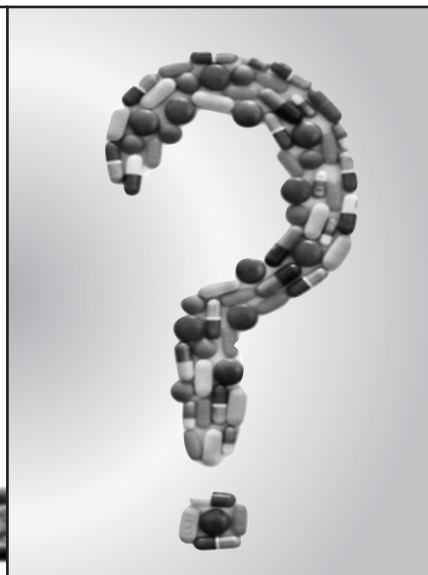

сок, подлежащие контролю, и не вошедшие — как свободно продавались до выхода постановления, так и продаются и даже рекламируются, причём в рекламе указывается доза кодеина.

Действие их на мозг очень тяжёлое. Психические нарушения держатся после приёма в течение нескольких дней, а иногда до недели. Кодеиновые препараты запиваются как правило пивом или принимаются вместе с феназепамом для усиления наркотического эффекта. Все наркологи и другие специалисты, работающие по реабилитации наркозависимых, отмечают, что это значительно затрудняет процесс реабилитации.

Преимуществами применения кодеиновых препаратов для наркозависимых являются: легальность и простота применения, дешевизна, пероральное применение — нет необходимости в инъекциях, длительное действие, отсутствие угрозы со стороны правоохранительных органов....Таким образом, в России наряду с нелегальным наркорынком существует и легальный, санкционированный правительством и даже поддерживаемый им. Этот наркорынок поставляет свободно без рецептов в аптечную сеть препараты с наркотическим эффектом, такие как: кодеинсодержащие препараты, «Трамал», «Стадол», эфедринсодержащий препарат «Солутан» и другие».

Евгений Липатов, заместитель главного врача Коломенской психиатрической больницы №6

«Кодеин — это алкалоид опиума. Он был выделен в 1832 году и применялся в лечебной практике сначала как противокашлевое средство, а затем, после того как были обнаружены анальгетические свойства этого вещества, как обезболивающее, вместо морфина. В 1930—40 годах кодеин начали употреблять в качестве наркотика. Пик кодеиновой наркомании пришелся на 70-80 годы. Воздействие кодеина на человека аналогично воздействию опиума. При употреблении наркоманом кодеина, также как и опиума, с каждым разом уменьшается время блаженства, и усугубляются неприятные ощущения. Кодеиновая зависимость также сходна опийной.

одна из самых сильных в ряду других наркотических привязанностей.

Самое страшное, что в последнее время таблетки, содержащие кодеин, стали особенно популярны в подростковой среде, среди старшеклассников. Для детей 16-17 лет такой наркотик наиболее доступен. В основном, они употребляют «Седалгин», «Темпалгин». В последнее время к этому ряду присоединился «Терпинкод». Стационарное лечение кодеиновых наркоманов длится до 1 месяца и включает в себя очищение организма, психотерапию, беседы. По-хорошему, такой род наркомании надо лечить около 6 месяцев. Но у нас нет условий: в одном отделении лежат и дети, и взрослые, и наркоманы, и алкоголики. Мы уже давно говорим о том, что нам необходим отдельный корпус для лечения подростков. В идеале в такой больнице нужен штат педагогов и психологов для детей. Квалифицированные специалисты помогли бы им вернуться к нормальной жизни».

Людмила Стебенкова, председатель комиссии Мосгордумы по здравоохранению и охране общественного здоровья (цитата из публикации в Интернете)

«Я не сомневаюсь: продажу наркотических препаратов без рецептов лоббирует «Фармстандарт». Выпускаемый фирмой «Терпинкод» занимает на фармацевтическом рынке второе место по объему продаж в России после таблеток для похудения. Бизнесменов не волнует здоровье детей и нации, они думают только о своих интересах, ведь ограничения лишат их громадных прибылей».

Алексей Архипов

ЗОМБИ ПЯТИДНЕВКИ

Можно ли избежать ловушек маркетинговых сект

Ты просыпаешься в 7.00, приезжаешь на работу в 9.00, уходишь в 17.00, ложишься спать в 23.00. Социалистический лозунг XIX века стал для жителей Северного полушария нормой — «8 часов работы, 8 часов отдыха, 8 часов сна». Нервная система человека работает в режиме «вкл-выкл», периоды нервного напряжения и алертности, готовности преодолевать некие препятствия, сменяются периодами расслабления и забывания. Мы будто на несколько часов снова возвращаемся в утробу матери, где нет никаких угроз и потребностей. Или опускаемся в могилу, как кому больше нравится.

Цикл 888

Для сна природа определила ночь, когда 80% информации, получаемой человеком через зрение, становится недоступной. Впрочем, всеобщая электрификация сделала человека круглосуточным животным. Обществу удобно, чтобы его члены работали и спали одновременно, повышая тем самым производительность. Для этого придумана и пятидневка с сорокачасовой рабочей неделей. Выходные определены для культурного досуга и эксплуатации развлекательных учреждений. Господь увидел, что это хорошо, и, может быть, так будет всегда.

Смысл зомбирования прост: некие силы берут под контроль и изменяют ваш ритм жизни, модель поведения, придавая вам новую идентичность. Этим зомбирование отличается от гипноза — краткосрочного наведения на человека определенных свойств. В гипнозе манипулятор просто завладевает вашим вниманием и управляет вашим поведением, убедив в своей сверхчеловеческой компетентности. Возможно это только пока вы с ним в «суггестивной» связи, зомбирование же предполагает, что после некоего воздействия человек просто станет другим и будет автономно выполнять необходимые функции неограниченный период времени.

Какие функции? Те, что будут запрограммированы в новом режиме, ритме жизни — от повседневных обязанностей до подвигов, связанных

с риском для жизни или даже с самопожертвованием. Термин «промывка мозгов» (brain washing) обрел популярность в 50-х годах, когда после провальной корейской войны американские солдаты, попав в плен и будучи помещены в специальные концентрационные лагеря, подверглись там некоей обработке со стороны китайских специалистов, в результате которой по возвращении домой начинали давать странные интервью и совершать несовместимые с американским образом жизни поступки.

Многие из них вступали в компартию, обличали империалистических агрессоров, т.е. самих себя, хулили власть и демократию. Этим людям подвергали долговременному принудительному лечению, после которого часть постепенно начинала возвращаться к «нормальной жизни» и политкорректным взглядам, остальные же так до конца и не признали своего помешательства. Именно тогда ЦРУ всерьез озабочилось обретением техник, позволяющих изменять и контролировать человека.

Ничего особенного

Надо сказать, что, на самом деле, китайские палачи и надзиратели не делали ничего особенного. Ими просто были систематизированы методы, древние, как сама жизнь и война. Известно, что у человека существует бо-

левой порог чувствительности — та точка боли, за которой происходит торможение механизмов, отвечающих за рациональное мышление — это основа пыточного дела. Точно так же существует порог алертности, возбужденности, постоянное превышение которого приводит к переходу сознания к более примитивному режиму работы.

Самый простой способ держать человека всегда в таком состоянии — не давать ему спать постоянным ярким светом, шумами, музыкой, побоями, чем угодно, не говоря уже о различных психотропных веществах. В какой-то момент человек доходит до этой точки и становится крайне подвержен внушению, на месте его разрушенного сознания можно возводить новые ментальные конструкции. В сочетании с голодовками, трудовыми повинностями, пытками и многочасовыми лекциями о грядущей победе коммунизма, такая техника почти неизменно приносила свои плоды. В критической ситуации организм чувствует, что привычный ему алгоритм поведения, бытового или политического, в новой ситуации совершенно не работает, а работает другой, который и надо перенять как можно скорее, чтобы остаться в живых. Такое изменение происходит на уровне подсознания и сам человек не отдает себе в нем отчет.

Но со временем, когда до него это уже могло бы дойти, в сознании уже поселилась новая модель, новый механизм выживания, который успел обрасти рациональными аргументами и мотивациями. Смена «хозяина» произошла. Связь физического воздействия и ограничения сна с убеждениями человека, вероятно, была установлена еще в первобытные времена. В каждом первобытном обществе существуют ритуалы «перехода», инициации, делающие мальчика мужчиной, девочку — женщиной, шамана — шаманом, вождя — вождем.

Эти ритуалы обычно связаны с разного рода испытаниями, зачастую опасными для жизни и здоровья. В идеале, такой ритуал вообще должен ставить человека на порог смерти, чтобы оттуда ему открылся весь простор его новой, предстоящей жизни. Людей избивают палками, морят голодом, выгоняют

в леса, замуровывают в домах. Главное же условие — соблюдение голодного поста и воздержание от сна. В результате, в полубреду-полукошмаре, туземец встречает сны духов и предков, которые приносят ему новый титул для новой жизни. В принципе, подобные ритуалы сохранились в рудиментарной форме во всех религиях — вспомним обрезание у иудеев и мусульман. Существует мнение, что в раннем христианстве во время крещения человека слегка притапливали в реке.

Человек уходит в монастырь для того, чтобы изменить свой привычный образ жизни, вырваться из оков обычного потока событий. Сон и питание здесь строго регламентированы, выходные и будни имеют другой порядок, не такой, как «на гражданке». Именно долгое погружение в эту новую бытовую действительность является залогом того, что человек серьезно «ударился» в религию, а не просто философствует и «ищет себя». Один мой знакомый, проживший несколько лет в монастыре в лесу, но потом решивший вернуться к мирской жизни, как то раз поделился мыслью, что монастырская жизнь — это как героин, уже много лет назад бросил, а все что-то тянет, все что-то не то...

Бизнес-культы

Большинство сект, ориентированных на присвоение имущества и финансов своих адептов, используют техники, разработанные в рекламном бизнесе. Основной упор в их листовках и брошюрах делается на то, что новая квази-религия поможет вернуть долги, открыть свое дело, достичь успеха, выйти замуж и прочее. Все это иллюстрируется сотнями аляповатых примеров и огнями лучезарных улыбок. Зачастую сложно бывает отличить одних мошенников от других — тех, кто выдает торговую машину за религию от тех, кто делает религию из торговой машины.

Существуют сотни видов «бизнес-тренингов», их рекламами увешано все метро, обычно это прикрытие для своего рода индустриальных карго-культи. Термин «карго-культ» — из этнографии, так называется явление, когда жители отдаленных островов в Тихом океане начинали обожествлять белых мореплавателей и создавали свои новые микро-религии, основанные на ожидании всеобщего рая после того, как на огромном корабле приплывут ангелы-белые люди и снабдят их всем необходимым для райской жизни из своих трюмов (карго — и есть трюм, в переводе).

Собственно, современные бизнес-культы функционируют по такому же принципу, с экономической стороны в их основе лежит банальный принцип финансовой пирамиды, но стимул и рекламный азарт приходит именно с помощью различных околорелигиозных практик. Да что там, многие серьезные компании и корпорации используют методики управления сознанием на своих корпоративных тренингах. В Интернете некоторое время назад появилась видеозапись с одного из таких тренингов «Связного». Полный зал, все сотрудники в унисон многократно изо всех сил кричат пару простых слоганов компании, раз за разом, в течение получаса. Причем с каждым повтором воодушевление только нарастает, что вполне логично, так как все участники уже погрузились в измененное состояние сознания.

Эффективность подобных «корпоративок» очевидна: улучшается внутренний микроклимат в коллективах, повышаются продажи, уменьшается число увольнений по собственному желанию, исков и претензий к руководству. Подобно футбольным болельщикам, объединенным в единый разум на террасах стадиона, теперь все эти люди являются членами небольшой бизнес-секты.

Кто-то другой

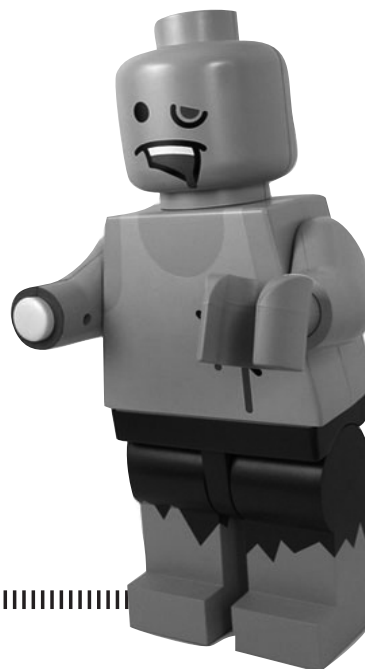
Понять, что на ваше сознание пытаются воздействовать, довольно легко. Например, в некоем сообществе от вас требуют приходить на мероприятия в 6 утра, причем с некоторой регулярностью, или наоборот, задерживаться допоздна, не говоря уже о ночных бдениях. В помещениях звучит навязчивая музыка, которую вы потом никак не можете выкинуть из головы. Или вас самих побуждают петь, обычно хором. Конечно же, танцы играют очень важную роль, предпочтение опять-таки отдается групповым, но не дискотечного типа, а более напоминающим народные, где все участники совершают

движения в рамках одной комбинации. Руководство ведет себя странно: то ругает, заставляя ощущать чувство вины на пустом месте, то, в определенные моменты, внезапно становится странно приветливо и дружелюбно. Периоды голодания сменяются шикарными праздниками, на которых, собственно, и происходит радостное объяснение неких жизненно важных истин.

Причем важно понять, что все эти действия ведут к изменениям в вашей личности вне зависимости от того, хотите ли вы того сами или нет, просто так устроен человеческий организм, при определенных условиях он переходит на другие программы. Урок всего этого в том, что некий коллектив может управлять нашим поведением не напрямую, в приказном порядке, а регулируя наши простейшие биоритмы сна, питания, отдыха и получения удовольствия. Если все сделано профессионально, вы и сами не заметите, как преобразитесь и будете искренним последователем какой-нибудь «великой» идеи или компании.

Но остается один вопрос. Даже если мы счастливо избежали попадания в религиозную, ультраправую, маркетинговую или иную тоталитарную секту, что делать дальше? Действительно ли мы сами управляем своим временем, питанием, сном или за нас это всегда делает кто-то другой? Ты просыпаешься в 7.00, приезжаешь на работу в 9.00, уходишь в 17.00, ложишься спать в 23.00. Перекусываешь до работы, голодаешь весь день, вечером ужин и сон. Так до вечера пятницы, субботу не помнишь, воскресенье — день похмелья. Кто запустил этот механизм? Кто сделал его обязательным для 80% жителей России? Что он задумал? И был ли бы ты сам другим человеком, если бы работал не 5 через 2?

Виктор Олкснис

ОБЩЕСТВО

РЕВОЛЮЦИОННОСТИ

ПРИЧЕСОК

Откуда есть пошла контркультура, и к чему она приведет

Контркультуры не перестают интриговать современных радикалов. Мнения колеблются от одной крайности к другой — одни верят, что современная контркультура является зародышем общества будущего, другие считают, что это подростковые игры, которые не имеют ничего общего с общественными движениями. Однако редко встречаются попытки разобраться, откуда на самом деле появляются контркультуры, и какие функции они выполняют.

Все революционные движения имели свои контркультуры. Все бунтари создавали ритуалы, знаки, музыку, ценности, которые часто были в резком противоречии с нормами господствующей культуры. Несмотря на итоговое поражение этих движений, некоторые их символы живут по сей день, но с другим значением: например, как рукопожатие еретиков средневековья.

Производственные трансформации

Западная цивилизация имеет четыре ступени развития, три из которых были разрушены в процессе трансформаций, совпадавших с прогрессом производственных отношений. И появление новых типов производственных отношений сов-

стали идеями индустриализма, но мятежный пролетариат, не смогуший заменить индустриальный капитализм свободным коммунизмом, по крайней мере заставил его коренным образом измениться — и наступила четвертая фаза развития (уже всемирной) цивилизации, время постиндустриализма.

Рок-н-ролл в древнем Риме

Чтобы понять современную контркультуру, надо понимать её общее с контркультурами прежних времен (ранним христианством, еретиками средневековья и культурой индустриального пролетариата конца XIX — начала XX века). Рождение современной контркультуры происходит как раз во время перехода индустриализма к постиндустриализму в 1930—1960-х годах, когда рабочие в развитых странах теряют свою идентичность как отдельный класс с отдельной культурой и ценностями, пролетариат прекращает быть революционным субъектом и в итоге перестает (временно?) быть угрозой капиталистической системе.

Многообразные современные контркультуры — они все так или иначе жалкие дети-ублюдки когда-то могучей контркультуры рабочих. Истоки рока основаны на музыке старого американского пролетариата — блюзе и фолке. Не случайно, что она по форме исполнения более унаследовала от Африки, чем от Европы (инструменты были именно европейскими) — это влияние средневековья. Христианская церковь всегда ставила ценности духовности в противоречие с телесными требованиями, в музыке это проявилась в развитии гармонии и противодействии ритмичности. Соответственно, в музыке европейской элиты ритм играл десятую роль. В музыке же европейского пролетариата ритм был не столь подавленным, но в Африке он остался гораздо более живым и прежде всего оттуда пришел в Америку, где уже от синтеза с европейской традицией рождались блюз и фолк.

Социальная мобильность

Во времени феодализма господствующая идеология старалась как можно больше сегрегировать элиту от народа — в понятие «голубой крови» вложена идея о том, что дворяне — вообще другой вид людей. Во многих странах Европы дворяне подчеркивали свое отличие, говоря на чужом языке: в России — на французском, в Финляндии — на шведском, в Прибалтике на немецком и т.д.

Согласно буржуазной идеологии индустриализма все с точностью до наоборот — в неё вложена ложь о том, что каждый может стать миллиардером путем упорного труда. Однако во времена раннего индустриализма эта идеология ещё не была общепринятой, у капиталистов просто ещё не было орудия интеграции пролетарской культуры в буржуазную. Первых СМИ (газет) на это не хватало — с одной стороны, многие пролетарии не привыкли их читать, с другой, у многих газет рабочего движения тиражи не сильно уступали буржуазным.

падало с появлением новой господствующей идеологии. Замена рабовладельческой системы античности феодализмом совпала с распространением христианства, которое пропагандировало идею универсальной ценности человека (при условии принятия им христианской веры).

Христианская доктрина стала краеугольным камнем феодального строя, который в свою очередь был уничтожен крестьянскими движениями с как правило еретической идеологией, и окончательно — городскими буржуазиями, идеология которых была в начале протестантской, а потом светской либеральной. Реформированное христианство и светский либерализм

Но при появлении радио и телевизора положение дел изменилось — пролетарская культура уже не была способна сохранить себя, поскольку первоначально её отдельность была во многом одним из последних остатков ситуации феодализма. Конечно, и культура элиты также была вынуждена во многом уступить — она уже не претендует на моральное превосходство и изысканность по сравнению с «простым народом», буржуй гораздо менее лицемерен, чем рыцарь средневековья.

Фабрика звезд

Во времена сегрегации культуры новаторы и исполнители блюза и фолка были анонимными, но когда развитие звукозаписывающих технологий и СМИ способствовало рождению массовой культуры и музыкальной индустрии, они стали знаменитостями. Первые поп-звезды, такие как Вуди Гатхри (Woody Guthrie) и Петр Сигерс (Peter Seegers), все ещё принадлежали к пролетарской контркультуре, нередко придерживались левых или коммунистических взглядов. Но так получилось, что неожиданно они стали частью процесса, который уничтожил культуру, которую они сами представляли — СМИ и музыкальная индустрия организовали слияние пролетарской культуры с культурой буржуазии — так появилась массовая культура, которая живет и процветает до сих пор.

«Возрождение фолка» 1960-х годов на самом деле уже никаким возрождением не было — так, некрофильские поминки радикальных студентов и интеллигенции на могиле когда-то революционной культуры. Именно синтез, культурная общность элиты и подданных является необходимым условием выживания авторитарных систем, и элиты стремятся либо беспощадно уничтожить все отклонения, либо интегрировать их в свою систему. Именно из-за этого львов кормили христианами в Риме, из-за этого инквизиция так тщательно следила за духовной жизнью во времена средневековья, из-за этого буржуа XIX века сочли нужным разрешить пролетариату участвовать в электоральном цирке. И, естественно, то же самое произошло и в Советском Союзе — официальная культура «диктатуры пролетариата» делала все, чтобы искоренить «неприличную» народную культуру.

Современная контркультура

Это те остатки былой контркультуры пролетариата, те небольшие его фрагменты, которые отказались от интеграции в массовую культуру. Хиппи 1960-х годов считали, что они являются чем-то кардинально новым и революционным — но на самом деле их появление было знаком смерти революции. Разные направления современной контркультуры сохраняют разные аспекты ныне мертвой контркультуры рабочих — хиппи сохраняют традицию отказа от протестантской трудовой этики, панки представляют более буйный, агрессивный и разрушительный вариант того же самого отказа.

Но в самом чистом виде культура пролетариата начала XX века сохраняется в контркультуре, которая сегодня является

самой маргинальной по количеству последователей — в контркультуре скинхедов. Скинхеды не любят работу, но не избегают её, они культивируют ценности, меньше всего востребованные в постиндустриальной системе производства — силу и маскулинность. Именно сила была истоком самоуважения мужского (и иногда и женского) рабочего класса времен раннего индустриализма.

Если у рыцарей феодализма сила и навыки сражения холдным оружием считались добродетелью, к XIX веку индивидуальные боевые способности уже не имели значения для сохранения привилегий, и элита уже предпочитала другие качества — просвещение или просто способность изысканно жить в ничегонеделании. Кроме скинхед-культуры ценности маскулинности и силы выживают в разных формах и в субкультурах металлистов и футбольных хулиганов, но в массовой культуре у этих ценностей все меньше места.

Удел молодежи

Почему современную контркультуру считают уделом молодежи? На самом деле это не совсем верное представление — первым рокерам уже за 70, хиппи за 60, панкам за 50 и рэперам за 40 лет. Большинство, конечно, уже давно бросили соответствующую атрибутику, но, тем не менее, контркультура во многом определила их интересы в жизни, некоторым удалось сделать карьеру за ее счет. Но то, что новые (и старые) появления контркультуры привлекают прежде всего молодежь, имеет материальные причины.

Если в средневековье и во времена раннего индустриализма 16-летний человек был уже полноправным членом общества, то сейчас часто 25-летний делает только первые шаги в своей карьере. Существует довольно большая возрастная категория людей, которые в физическом и умственном плане уже взрослые, но которые либо не успели приобрести достаточную специализацию, либо без достаточного опыта и связей они востребованы только на самых низких ступеньках системы производства. То есть они должны искать самореализацию вне системы товарного производства. Также категория «молодежи» охватывает все более молодых людей — современный капитализм поддерживает миф о «свободной и беззаботной» молодости, и каждый должен в индивидуальном порядке реализовать этот миф в своей жизни путем покупки соответствующих товаров.

Этот миф столь ярко представлен в популярной культуре, что люди все раньше хотят перестать быть детьми и все позже хотят стать взрослыми. Категория молодости возникла из-за трансформации в производственных отношениях, но расширяется она уже под влиянием господствующей идеологии, которая как всегда является гарантией стабильности производственных отношений. Да, контркультура до сих пор связана с молодежью, но на самом деле «молодежи» уже может быть сколько угодно лет.

Революционный потенциал

Революцию контркультура несомненно сделать не может, если бы могла, она бы её сделала уже 40 лет назад. Следовательно, люди, которые путают контркультуру с революционными идеями, часто сильно разочаровываются. Показательный пример — канадские авторы Джозеф Хиз (бывший панк) и Эндрю Поттер, которые написали книжку на 460 страниц, предлагая детям бросать контркультуру и заниматься партийной политикой, представляющую собой смесь социал-демократических и неолиберальных идей. Издательство «Добрая Книга» издало её в России под названием «Бунт на продажу», и благодаря успешному маркетингу книга нашла свою целевую аудиторию — «альтернативных интеллигентов», которые, естественно, согласны с бывшими контркультурщиками-профессорами, поскольку они желают ощущать, что они выше тех, кто стремится сражаться с современным капитализмом.

Но если Хиз и Поттер хорошо понимают, что такое крутизна, они совершенно не врубаются в то, что такое революция. То есть они неспособны рассматривать контркультуру в более широком историческом контексте. Постиндустриальная производственная система только что сформировалась, и естественно, что производственные отношения не скоро достигнут степени развития, которая позволит сделать следующий глобальный переход. Индустриализм жил в течение более чем полутора веков, и сейчас развитие общества уже гораздо менее бурное, чем в XIX веке. Быстро приближающийся конец наиболее востребованных природных ресурсов, конечно, ставит под вопрос выживание текущей мировой экономической системы, но в отличие от ранее перечисленных революционных движений, это угроза внешнего, а не внутреннего характера. Совсем не очевидно, что внешние угрозы могут создавать такой уровень внутреннего недовольства, от которого следует следующий системный переход, и на самом деле самые развитые экономики будут меньше всего страдать, поскольку в них очень высока доля нематериального производства.

Реакция 1970-х годов

Но не каждый разочаровавшийся интегрируется в систему как Хиз и Поттер. Некоторые не отказываются от протеста, но возвращаются к формам, которые существовали в прежних системах производства. Большая часть новых адептов анархо-синдикалистских, троцкистских и других радикальных политических групп во всем мире — это разочаровывающие панки и другие контркультурщики. И на самом деле этот процесс прошел во многих странах сразу после 1968-го года. Сейчас нам и 1970-е годы кажутся оплотом революционности, но разочарование в контркультурном бунте захватило многих сразу после поражения в Париже. Революционные организации и идеи более традиционные, времен раннего индустриализма, получили мощный приток новых сторонников.

Главные дивиденды от разочарования 1968-ого года

получили маоистские, троцкистские и сталинистские организации, и только в Италии «возвращение к заводам» произошло в форме новой политической силы, «операистов», которые были прямыми предшественниками современных автономов. В 1969-ом году в США троцкистская фракция Worker-Student Alliance (Альянс Рабочих и Студентов), которая проповедовала возвращение к агитации промышленного пролетариата, завоевала значительное влияние в главной революционной организации студентов 1960-х Студенты за Демократическое Общество (SDS). Тогда последователи идей 60-х конкурентной тенденции, которая в итоге стала подпольными подрывниками Weathermen, посчитали необходимым расколоть организацию, чтобы нейтрализовать влияние «старых левых».

И в итоге вооружённые группы типа Weathermen или RAF не были более продолжателями духа 1960-х годов, чем их традиционалистские современники в троцкистских и маоистских группах — на практике они представляют собой ту же самую контрреакцию 1970-х: дисциплина и дух самопожерт-

вования подпольной вооружённой группы заменили радость и разгильдяйство предыдущей эпохи, амфетамины заменили траву и ЛСД. Были и более анархические вооружённые группы («Злобная Бригада» в Англии и «Движение 2-го июня» в Германии), но их милитаристские конкуренты выживали гораздо более долгое время.

О 70-х годах мы сейчас помним именно вышеперечисленные вооружённые организации. Их деятелей убили или посадили, но от тех, с кем их пути разошлись, о деятельности многочисленных маоистских, сталинистских и троцкистских групп тех временах мы сегодня совершенно ничего не прочтем, столь неуспешными они оказались. И те, и другие были одинаково оторваны от реальности.

Итальянский вариант

Возможно единственным движением, которому в 1970-х удалось найти баланс между старомодными и новыми формами протеста, были итальянские автономы — что поразительно, поскольку их предшественники операисты в 1960-х годах занимались исключительно агитацией на заводах. После нефтяного кризиса 1973-го года безработица резко выросла, производственные отношения коренным образом изменились, и борьба в крупной промышленности стала затруднительной. Сформировалось автономное движение в Италии, действующее не на производстве, а в обществе, субъектом его революционной теории (разработанной Тони Негри) уже был не «массовый рабочий», а «социальный рабочий» развитого капитализма.

Полем борьбы стали мелкие предприятия, стоимость билетов в общественном транспорте, супермаркеты, ЖКХ и цены в кинотеатрах, поднимались проблемы феминистского движения (легализация аборт и разводов), создавались социальные центры, совершались убийства фашистов и продавцов героина. Теоретики итальянской автономии понимали, что капитализм уже охватил все сферы жизни, и теперь

любое человеческое взаимодействие является источником извлечения прибавочной стоимости.

В 1970-х годах автономам удалось обновить старый марксистский аналитический аппарат, и сбалансировать наследие старых массовых рабочих движений и новых требований поколения пост-60-х. Скорее всего, именно автономам удалось сохранять дух 60-х в самом мятежном виде. Но многие общественные процессы играли против них. Одновременно и вооружённые сталинисты «Красных бригад», и ультраправые пытались остановить насилием сближение компартии и партии христианских демократов (так называемый «исторический компромисс»), в итоге общественная обстановка в Италии крайне обострилась. В конце века в Италии наступила волна беспрецедентных репрессий, в отличие от движений 1960-х, движение автономов не было интегрировано в систему в изуродованном виде, а просто уничтожено. В итоге Италия пошла по тому же пути развития, что и все другие развитые страны.

Производственные отношения сейчас

Постиндустриальная форма производства кардинальным образом отличается от индустриальной — сейчас знание и знаки играют большую роль, чем мощность и пропускная способность конвейера. Классовое сознание может быть следствием только идентичности как части рабочего класса, но потеря идентичности рабочего — это не только следствие промывки мозгов массовой культурой, но также следствие трансформации в самой системе производства. Относительный валовой продукт рабочего все меньше, наглядный пример — кроссовки Nike, от цены которых доля зарплаты рабочего на индонезийском или вьетнамском заводе меньше 1%. Абсолютная численность промышленных рабочих в мире сейчас больше, чем никогда. Процесс производства изменился, большая часть товаров потребления сегодня столь сложны, что у рядового рабочего часто уже нет никакого ощущения, что он может овладеть производством, то есть если протест возникнет, он будет выдвигать чисто экономические требования.

В постиндустриальной системе класс индустриального пролетариата нигде не исчез. Наоборот, она оторвала сотни миллионов китайских крестьян от их привычной среды и привлекла к особым экономическим зонам южного побережья страны, где производят товары для всего мира. Если предыдущие трансформации меняли структуру производства в целом, постиндустриальная трансформация только построила новый слой «экономики знания». То есть, заявления модных западных интеллектуалов (в том числе Тони Негри) о том, что промышленный пролетариат уже не является революционным классом, могут быть очень даже преждевременными. На Западе местный промышленный пролетариат действительно уже почти маргинализован, но пока остается открытым вопрос о том, как «новый интеллектуальный пролетариат» Севера может найти общий язык с промышленным пролетариатом Юга — сейчас очевидно только их взаимная зависимость.

Но если современная контркультура неспособна на революцию, то она может по крайней мере хранить дух прошлых революционных волн, и возможно со временем вырастить что-нибудь, что уже будет способно бросить вызов системе в целом. Нет никакого сомнения в том, что во времена контрреволюции любые бунты завершатся поражением — либо физическим уничтожением, либо преобразованием системой требований и знаков бунта для своей пользы. Примеров об успешного преобразования знаков и требований радикальных движения бесконечное количество

— морда Че Гевары как один из наиболее распознаваемых брендов современности, коммерческий успех панка и рок-музыки в целом, масса «альтернативных» диетических товаров в супермаркетах, «экологические» автомобили, войны «за демократию и права человека», заявления Путина и «Наших» о своем антифашизме... Но второй вид поражения не позорнее первого — оно доказывает, что наши требования имеют определённый отклик в обществе.

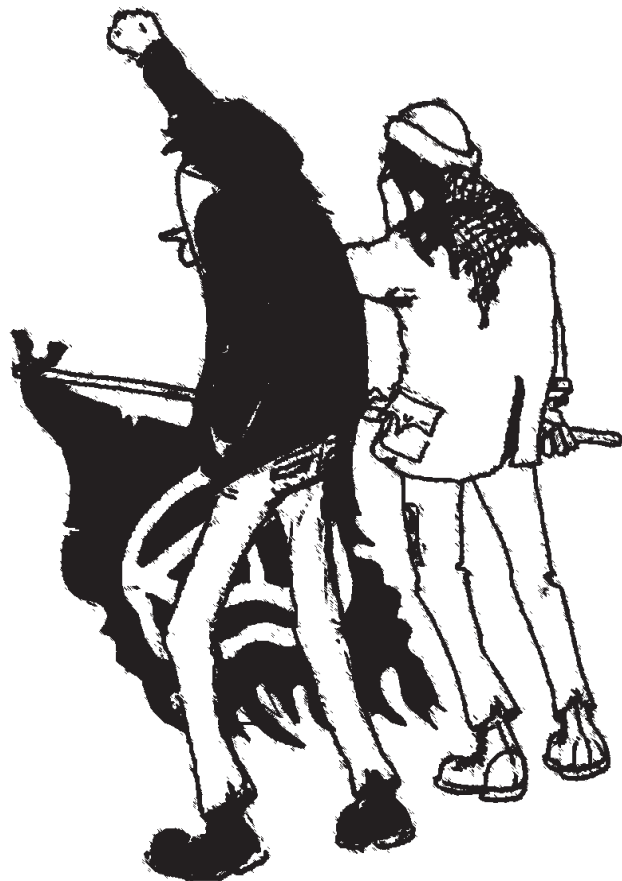
Та же революция 1960-х годов не свергла правительство ни в одной стране (в США и во Франции к власти наоборот пришли консерваторы), но её достижения несомненны — до 1960-х в даже самых равноправных странах запада считались, что одинокая женщина или женская компания в ресторанах — проститутки, во многих странах развод был затруднителен или вообще невозможен, многие виды контрацепции не были общедоступными, религия была глубоко внедрена в систему общего образования... Эти вопросы — не вопросы обладания средствами производства, но все равно они касаются нашей повседневной жизни. И даже если от современной контркультуры ничего не останется, и она полностью преобразуется к рекламе Sprite, нет сомнения в том, что у революционного движения будущего будет своя контркультура, откуда бы она ни появилась.

Понятно, что подавляющее большинство людей сейчас неспособны отличать «бунтарские продукты», которые им предлагает капитализм, от настоящего бунта, который на самом деле реально угрожает системе, но наличие любых форм протеста все равно заявляет о том, что жизнь на планете все ещё существует. И вопреки пессимизму позднего Ги Деборда, зрелища пока не охватили всего: например, журнал «Автоном» до сих пор если не в авангарде революции, то по крайней мере никакой прибыли издателям не приносит!

Михаил Антонов

АВТОНОМ

73

УКРАИНСКОЕ РАБСТВО

Как работается зекам «одной из самых цивилизованных» стран бывшего СССР

В то время, как пролетарским слоям населения приходится с большей или меньшей интенсивностью вести борьбу с капиталистической эксплуатацией, на территории постсоветских стран существуют анклав, в которых расцвели еще более древние экономические уклады. Например, в Украине, несмотря на признание ей многочисленных международных правовых норм, запрещающих рабство, принуждение заключенных к неоплачиваемому (рабскому) труду приняло широчайшие масштабы.

Бедолаги

В первую очередь рабский труд находит себе применение там, где существует особенно тяжелое, вредное для здоровья производство. Достоверно известно, что в Пенсиейонный фонд ни одна колония Украины не перечисляет ничего, и поэтому в случае производственной инвалидности даже самая маленькая пенсия бывшему зеку не светит. А инвалидов таких каждая колония выпускает в избытке. Какдальше будет мыкать горе потерявший трудоспособность бедолага, никого не интересует.

К примеру, почти в каждой колонии имеется деревообрабатывающий цех. Хотя администрации колоний и любят рассказывать журналистам байки о том, что они изготавливают мебель, основная продукция таких цехов — гробы и деревянные кресты. Во время моего пребывания в Полицейской колонии N76 (Ровенская область) в августе 2006 года только за один месяц двум заключенным отрезало на руке почти все пальцы.

С одним из них мне довелось пообщаться. С его слов, после травмы ему даже не ввели никакого обезболивающего и лишь через 6 часов повезли для оказания медицинской помощи. Первая забота оперчасти в этом случае — заставить зека подписать объяснительную, в которой говорится, что он «по своей вине нарушил правила техники безопасности». В подавляющем большинстве случаев запуганные, доведенные до животного состояния бедолаги подписывают это. Но даже если кто-то и не подпишет, шансы добиться через суд хотя бы какой-то компенсации практически равны нулю.

Сизифы

Имелся в ИК-76 и другой надежный способ остаться без руки или глаза — работать на изготовлении каменной плитки. В колонии это основное производство; плитка из натурального камня используется по большей части при строительстве особняков и приносит начальству большой доход. Норма для каждого зека — при помощи кувалды и зубила выбить за день 50 кг плитки. За невыполнение нормы закрывали в ДИЗО, где подвергали физическим наказаниям.

Когда с утра камаз привозит с карьера глыбы камня и вываливает, многие зеки кидаются немедленно выхватить себе кусок поудобнее. А руку при этом может раздавить, что и случается. Выбивать плитку полагается в защитных очках. Но поскольку они очень старые и исцарапанные, в них ничего не видно, и зеки работают без них. Кусочки камня при этом летают по всему цеху и, бывает, попадают кому-то в глаз.

Моего знакомого Василия Чоповского после такого случая начальник оперчасти В. Каламбет всячески принуждал к написанию объяснительной о нарушении техники безопасности, но ничего не добился. У Василия, впрочем, зрение восстановилось. В другом случае 20-летнему парню глаз пришлось удалять, и объяснительную он подписал.

Богомольцы

Существует и еще одна технология заставить получившего увечье зека сносить это безропотно. В Краснолучской исправительной колонии N19 (Луганская область) моему знакомому Юрию Кацевалу на лесопилке отрезало три пальца на правой руке. Куда с этим идти молодому парню, в 18 лет попавшему в тюрьму за мелкую кражу? Но Юрий общался с сектантами-«пятидесятниками», которые успешно орудуют в большинстве украинских колоний, и те внушили ему, что это «бог наказал его за грехи», и что «Христос велел благословлять всех начальствующих», не исключая, разумеется, администрацию ИК.

Действующий в Украине уголовно-исполнительный кодекс обязывает администрации ИК начислять работающим осужденным заработную плату в размере не менее установленной минимальной, если они «выполняют норму и не допускают нарушения режима отбывания наказания». В большинстве колоний зарплата начисляется, но смехотворная: от 20 до 80 гривен (от 4 до 16 баксов), но реально эта сумма во много раз меньше. Поскольку потратить ее можно только в «отоварке», а там сбывается, как правило, негодный товар и по цене в несколько раз выше, чем на воле.

В итоге, проработав месяц, зек имеет возможность купить по килограмму-другому картошки, лука, чая, несколько пачек сигарет без фильтра, иногда — подпорченной колбасы. Однако, зеки, лишённые поддержки с воли, бывают рады и этому.

Кочегары

Казалось бы, какое отношение имеют нарушения режима к заработку? А вот какое: кто недоволен и начинает «качать права», требуя минимально установленной зарплаты, тому живенько напишут пару нарушений (например, за то, что одет не по форме, хотя формы никакой и не выдается), и права на минимальную зарплату уже нет. А расследуются трудовые конфликты примерно так. В ИК-19 я два месяца проработал кочегаром в Учебном центре.

Раньше за такую работу начисляли по 15 гривен (3\$) в месяц. Но затем начальство решило, что и это слишком жирно, и перестало платить совсем. Пришлось по данному факту написать жалобу в Департамент исполнения наказаний и выгнать ее нелегально (ибо официально, через цензуру, ни одна жалоба из колонии не выходит). Департамент «спустил» письмо для проверки в областную управу. Вскоре оттуда пришел ответ, производящий сильное впечатление своей бескомпромиссностью: «По жалобе проведена проверка. Установлено, что никакой индивидуальной отопительной установки в Учебном центре нет; отопление осуществляется с центральной котельной колонии. В списках направляемых

на работу фамилии автора жалобы не значится». Хорошо хоть не привлекли к ответственности за то, что девал непонятно куда 14 тонн угля.

Сопротивленцы

Если в античные времена рабство нередко вызывало бунты, то в нашу эпоху акции протеста рабов-заключенных носят мирную по отношению к рабовладельцу форму. В основном, зеки пытаются апеллировать к общественному мнению. В неоднократно упоминаемой ИК-76 администрация не платила осужденным вообще ничего, считая, что трудом они зарабатывают себе УДО. Каждый зек мог отовариться на 2 гривны 10 копеек в месяц (!), но эти деньги представляли собой компенсацию за вредность, выплачиваемую рядом расположенной Кузнецовской АЭС, постоянно делающей выбросы.

Заработав на рабстве за год 3 миллиона гривен (\$600 тысяч), начальник колонии В.В.Рак купил себе шевроле и ушел в отпуск. Но отдохнуть не вышло: 24 августа (в день независимости Украины) более 70 заключенных вскрыли

себе вены. После этого спецназ ГДУВИН на протяжении четырех суток избивал всех находящихся в лагере осужденных, а все, вскрывшие себе вены, были отправлены в другие колонии. Однако, поскольку сюжеты о происшествии попали в программы ТВ-новостей, принуждение к бесплатному труду в колонии прекратилось.

В Сокирянской ИК-67 (Черновицкая область) осужденных принуждали к фактически бесплатной работе в соляной шахте — в нечеловеческих условиях по 12-16 часов в сутки. Там попытка изменить ситуацию была сделана с помощью однодневной голодовки. Обеспокоенная ростом числа аналогичных случаев администрация Ющенко издала указ о «поэтапном реформировании исправительной системы».

Однако, поскольку использование рабского труда приносит колоссальную прибыль, можно не сомневаться, что указ этот останется только на бумаге.

Илья Романов, Краснолучская ИК N19 (Луганская область, Украина), август 2008

НАШИ КОРПУНКТЫ

БЕЛАРУСЬ

Минск (и другие города Беларуси) belarus@avtonom.org
Солигорск (Минская обл.) nonexecution@gmail.com

РОССИЯ

Барнаул ad.barnaul@gmail.com
Благовещенск ad_bлага@riseup.net
Владивосток a-avtonom_vl@riseup.net
Вологда blackflag@list.ru
Иваново ad-ivanovo@front.ru
Ижевск avtonom18@yahoo.com, avtonom.cinema@gmail.com
Иркутск 664058, а/я 166, abejasiberia@gmail.com
Казань fmb-kazan@yandex.ru
Калининград ska-konig@mail.ru
Кемерово lesstears.moreaction@gmail.com
Киров xclasswarx@mail.ru, osna@yandex.ru
Краснодар 350001, а/я 3472, krasn@avtonom.org, asmodeys1@gmail.com
Мурманск 183050, а/я 4614, 22-89-73 (Александр), vp1@inbox.ru
Москва 109028, а/я 13, avtonom@avtonom.org
Нижний Новгород 603104, а/я 25, avtonom69@gmail.com
Новосибирск nsk@avtonom.org
Пермь ad_perm@rambler.ru
Санкт-Петербург ad-spb@riseup.net
Самара avtonom-samara@yandex.ru
Саратов pkropotkin@yandex.ru
Севастополь vlastinetu@gmail.com
Тюмень 625001, а/я 4481, akbar@riseup.net
Уфа ufa@riseup.net, ad@inufa.org, u-f-a.org.ru
Чита myrava.trava@gmail.com
Ярославль anarchokommuna@gmail.com

УКРАИНА

Харьков akh@nm.ru, antifa@km.ru
Севастополь vlastinetu@gmail.com

ДАЛЬНЕЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Болгария

«Анархосъпротива», София 199, п.к. 1, за АС, anarchy@bulgaria.com, www.resistance.hit.bg

Германия

rastamao@404team.org

Македония

Инфешоп Терор 13, directa@freema_il.com.mk, www.terror13.tk

Нидерланды

Het Fort van Sja koo, Jodenbreestraat 24 1011MK Amsterdam 020_6258979, info@sjakoo.nl, www.sjakoo.nl

Польша

Infoszop, ul Targowa 22, Warszawa, Poland, www.alter.most.org.pl/infoshop

Финляндия

Tasajako PL 60 00531 Helsinki, tasajako@anarkisrni.net, www.anarkismi.net/tasajako

